

ДЕТЕКТИВ С ШОКИРУЮЩИМ ФИНАЛОМ

ДОКТОР АГАПОВ

ГРОССМЕЙСТЕР

Эта книга — участник литературной премии
в области электронных и аудиокниг
«Электронная буква — 2019»

Разрыв шаблона. Детектив с шокирующим финалом

Вадим Агапов
Гроссмейстер

«ЭКСМО»

2020

Агапов В. Ф.

Гроссмейстер / В. Ф. Агапов — «Эксмо», 2020 — (Разрыв шаблона. Детектив с шокирующим финалом)

Это продолжение приключений Арсения Строганова и доктора Агапова на берегах Невы. Если бы у меня была вторая жизнь, – мог бы сказать Эраст Петрович Фандорин, – я бы провел ее вместе с ними здесь, в Петербурге. Мои дорогие читатели! Гроссмейстер" получился не хуже, чем "Талисман". Читайте, наслаждайтесь! Содержит нецензурную брань.

© Агапов В. Ф., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	44
Глава 11	45
Глава 12	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вадим Фридрихович Агапов Гроссмейстер

Предисловие

Мои дорогие читатели! Перед вами продолжение приключений Арсения Строганова и доктора Агапова на берегах Невы. Я выражаю искреннюю благодарность всем моим друзьям и близким за помощь и поддержку, без которых *эти приключения* вряд ли бы могли состояться!

И особенно: Людмиле Онкамо, Эльвире Романенко, Соне Ваниной, Андрею Стахееву, Сильвии Дюба, моим сыновьям – Арсению и Глебу, и, конечно же, моей музе и жене Елизавете.

Анне Кожиной я благодарен за создание неповторимых обложек как к «Гроссмейстеру», так и к «Талисману»! Отдельная благодарность Игорю Пойлишеру за его стихотворение, которое так гармонично вписалось в книгу.

Хочу сразу предупредить, что главное достоинство романа «Гроссмейстер» – это вовсе не литературный стиль и не слишком закрученный детективный сюжет, а его абсолютная правдивость! В связи с чем, кстати, пришлось изменить все имена, фамилии и географические наименования. Поэтому все совпадения прошу считать лишь совпадениями. Итак, полный вперед!
Доктор Вадим Агапов.

Глава 1

Я распахнул окно. После душного реанимационного зала, где недвижимый воздух нагрет от аппаратов искусственной вентиляции легких, от мониторов, от температурающих пациентов, да еще и пропитан специфическими запахами, ночной воздух из распахнутого окна показался мне удивительно свежим и вкусным, словно глоток родниковой воды. За окном был месяц май. Цвела сирень, доносился аромат черемухи, а после прошедшего вечером дождя казалось, что где-то поблизости должно быть море. Я стоял на верхней площадке черной лестницы, точнее, полулежал на широком подоконнике, высунувшись через окно в белую майскую ночь и разглядывая то больничный сквер с высоченными тополями и маньчжурским орешником, то крыши соседних домов, то редкие освещенные окна. Возвращаться в реанимацию, где я дежурил, совсем не хотелось. Однако я забыл свой телефон в ординаторской, меня могли искать, а посему прогулку пришлось прекратить.

Я как раз спускался по лестнице вниз, когда распахнулась дверь запасного выхода с нейрохирургического отделения, и на меня выскочил медбрат Женя в сопровождении молоденькой девушки, то ли медсестры, то ли санитарки.

– О, здравствуйте, доктор! – радостно приветствовал он меня. – Вы ж не курите!

– И тебе не советую, – пожал я ему руку. – Я, дорогой коллега, хожу на черную лестницу с целью профилактики гипоксии, которая, как ты должен знать, входит в патогенез большинства заболеваний. У тебя патфизиология была?

Евгений учился в медицинском на четвертом курсе, дежурил медбратом чуть ли не два раза в неделю и успевал заводить романы с такими же молодыми, как и он, медсестрами. Когда он умудрялся спать, я не понимал, потому что многие регулярно встречали его среди ночи на Невском, – то он шел из клуба, то просто гулял.

– Вроде нет, – пожал он плечами на мой вопрос. И, видно, решив произвести на свою спутницу впечатление, важно представил нас друг другу: – Евгения, знакомься, это доктор Агапов, известный писатель, крутой реаниматолог и...

– Очень приятно, – кивнул я им обоим и попытался пойти дальше, но активный медбрат продолжил вещать:

– Доктор! А помните, вы мне рассказывали про гипогликемию? Так вот, я Женьку, можно сказать, спас по вашим рекомендациям! – И он указал мне обеими руками на свою подружку, которая, слегка покраснев, стояла и переминалась с ноги на ногу.

– Евгений и Евгения, вы прекрасная пара. – Я вежливо улыбнулся и, не вдаваясь в подробности, пошел вниз по лестнице. Кажется, они не расстроились, потому что, бросив взгляд наверх, я увидел, что они обнимаются. Причем девушка была выше его на полголовы. «Весна, весна! Эритроцитов краснота...», – вспомнилось студенческое стихотворение.

На отделении было спокойно: монотонно гудели аппараты искусственной вентиляции, ритмично пикали мониторы, играло радио. Все пациенты спали, и я подумал, что это самый приятный момент на дежурстве, но, как правило, редкий и недолгий.

В ординаторской мой напарник лежал на диване и мирно посапывал. На груди его располагался справочник невролога, который он взял у меня полчаса назад «для общего развития». А около его головы названивал городской телефон. Судя по мелодии – Пятая симфония Баха – звонили из «приёмника», то есть приемного отделения. Я взял трубку:

– Да! Реанимация! – Покой нам только снится.

– Это ответственный. У вас места есть? – Голос ответственного по больнице был уставшим.

Я не стал отпускать дежурную шутку, мол, «а вам скока мест надо?». Не склонен ответственный к юмору после полуночи. Поэтому просто ответил:

– Одно.

– Позвонили, везут мужчину с черепно-мозговой и женщину с кровоизлиянием. Кого возьмете? – Голос ответственного был лишен эмоций, как черно-белые фотографии цвета.

– Э-э... – Я стал раздумывать, как взять двоих пациентов на одну койку, а ответственный уже сообщал «Скорой»:

– Мужика в приемный, женщину в нейрореанимацию! Да, там есть одно место... – Дальше слышались ругательства, предназначенные, видимо, для кого-то, находящегося в «приёмнике». Как говорится, вечер перестал быть томным.

Ложиться на соседний диван не имело смысла. Во-первых, сразу засну. А во-вторых, все равно минут через десять встать. Поэтому я подошел к доктору, дежурившему со мной, и забрал у него с груди справочник, а спящий словно этого и ждал, поскольку тут же перевернулся на бок и засопел еще громче.

Сев за компьютер, я вылез ВКонтакте. Изумило меня количество бодрствующих друзей онлайн. Эх! Не понимают люди своего счастья! Если бы я был сейчас дома, то уже бы крепко спал!

Глава 2

Суббота была в самом разгаре, то есть близилось время обеда. Май подходил к июню, что вызывало эйфорию у детей, предвкушались каникулы – и невеселые размышления у родителей – как организовать отпуск. Впрочем, «как» – было несложно, вопрос был – «на что»? На какие средства? И несмотря на уверения жены, что все образуется, я ощущал усталость и тоску. Вероятно, сказывались усталость после дежурства, возраст и авитаминоз. Да моросящий дождик за окном добавлял меланхолии. Остро хотелось поехать на теплое море... Тут-то и раздался телефонный звонок, изменивший мое настроение и ход дальнейших событий. Я удивленно воззрился на экран, и поскольку уже с месяц, наверное, не видел и не слышал моего друга Арсения Строганова, радостно приветствовал его. Арсений вежливо поинтересовался моими делами, что меня слегка удивило, расспросил про семейство, уточнил, не отвлекает ли он меня и так далее.

– Дорогой Арсений, – расчувствовался я, – ужасно рад тебя слышать в добром здравии и хорошем расположении духа! У нас все более-менее, мы дома, садимся обедать, а ты...

– Тогда ты не против, если я сейчас зайду? – тут же ответил он. А дети мои закричали:

– Папа, дядя Арсений стоит под нашими окнами!

– Наслаждение общением – главный признак дружбы! – сообщил я жене и пошел открывать дверь.

* * *

Мы пили кофе (дети – сок) и ели мороженое, которое принес Арсений. Он изменился. Я это заметил, на это обратила внимание моя жена, и даже дети, выходя из-за стола, поинтересовались:

– Дядя Арсений, ты в порядке? Будешь с нами играть в компьютер?

– Обязательно! – ответил он.

Оглядев кухню, он заметил:

– У вас новые портреты? Монтеня я уже знаю, а это кто? – ткнул он пальцем в сторону Аристотеля.

– Новое увлечение Вадима, – улыбнулась жена. – Аристотель, древнегреческий философ, ученик Платона и учитель Македонского.

– Вы в Грецию собрались, что ли? – удивился Арсений. – Я думал, вы только Италией грезите... А можно чисто философский вопрос? Деньги-то у вас есть?

Я вздохнул, жена моя засмеялась.

– Значит, денег у вас нет, – радостно потер руки этот эпикуреец. – Тогда я могу не спрашивать, нужны ли они вам?

С этими словами Арсений вскочил на ноги и начал размахивать своими руками, жестикулируя, словно Цицерон на Форуме.

– Я этому даже рад, потому что теперь у меня есть возможность помочь вам! Вы даже не представляете, какие деньжищи мы можем заработать! Что там говорил твой Аристотель про богатство? Бьюсь об заклад, что он говорил про деньги, но не упомянул, как их раздобыть!

* * *

Мы вдвоем сидели в комнате, через приоткрытое окно залетал свежий ветерок, а по Неве плыли лодки с гребцами, там шли соревнования.

– Важный момент, – вещал мой приятель, – что живет он от тебя недалеко. Вон, через речку!

И Строганов указал пальцем в окно, в сторону Каменного острова.

Строганову предложили работу: найти пропавшую дочку довольно богатого человека. Удивили меня два момента, причем совсем не то, что жил *он* недалеко от меня, а то, что обратился *он* именно к Арсению, – при всем моем уважении и симпатии к нему, Строганов все же детектив-любитель, а богатые люди могут позволить себе нанять профессионалов! И второе – то, что пропала девушка аж месяц назад!

– Можно вопрос? – обратился я к нему. – Точнее, два. А как он на тебя вышел? И если девушка пропала месяц назад, неужели у нас есть хоть малейший шанс найти ее и найти живой?

– Доктор, – ответил мой приятель, – изучение знаменитых философов идет тебе на пользу! Хорошие вопросы! Итак, вышли они на меня... прикинь, там целый полк специально обученных людей занимался ее поисками! Так вот, присоветовал меня наш друг Громов.

– Михалыч? – удивился я. – Я думал, что после последнего дела он тебя вычеркнет из записной книжки и из списка своих друзей.

– Я думаю, – улыбнулся Арсений, – что он сделал хитрый ход: шансов ее найти и правда немного, это раз, я обязательно соглашусь ее искать, это два, и когда я сяду в лужу, то он посмеется надо мной, это три.

– Но ты надеешься, что после того как целый полк целый месяц искал эту несчастную... – начал было я, но Арсений тут же перебил меня:

– Знаешь историю, как обнаружили женщину, пропавшую несколько десятилетий назад? И ее искали лучшие детективы Швеции! А тридцать дней, знаешь ли, это не тридцать лет...

– Постой, – нахмурился я, – ты не про книгу?..

– Нет, я про фильм, их даже два! Короче, Аристотель, ты должен мне помочь! Я на тебя рассчитываю. Работы будет много. Я уже изучил все материалы, собранные во время поисков...

– Все? – засомневался я.

– Ну, почти все, – отмахнулся Строганов. – Главное я уяснил. Они ее не нашли. Это раз.

– Это важный момент, – усмехнулся я.

– Согласен, – не услышав иронии в моем голосе, кивнул Арсений. – И они накопили кучу сведений, на мой взгляд, абсолютно бесполезных. Это два. И, представляешь, у них даже был подозреваемый, но версия лопнула, а ничего другого они придумать не сумели.

– Вот как? А ты сумеешь?

Но Строганов, слегка прищурившись, посмотрел на меня, склонил голову набок и произнес:

– Я когда-нибудь сомневался в своих силах?

– Да боже упаси! (Вот ведь, физиономист!) К тому же, – поспешил я убедить его Аристотелем: – «Даже из ложных предпосылок можно вывести истинное заключение!»

– Интересная мысль, – тут же задумался Арсений и согласно покивал головой.

Глава 3

На следующий день мы отправились на встречу с отцом пропавшей девушки, который жил, как выразился Арсений, «через речку» от моего дома. Каменный остров! Место красивое и элитное. Идя по Ушаковскому мосту, я любовался широченной Невой, стрелкой Елагина острова с «Павильоном под флагом», набережной противоположного берега, где сквозь молодую зелень проглядывали невысокие особнячки с колоннами, балконами и покатыми крышами. Погода была прекрасная: весеннее голубое небо с редкими облачками, солнечные блики на реке, – словом, о предстоящей встрече я не думал, тем более что и Арсений вместо того, чтобы посвящать меня в детали этого дела, нес какую-то околесицу про божьи наказания и дьявола, который их осуществляет.

– Не хочу проводить аналогии между судьей с палачом и... – доносилось до меня сквозь гул едущих по мосту машин.

Наконец, оказавшись на острове, мы миновали спортивную школу, онкологический диспансер и пошли вдоль парка. В наступившей тишине (шум ветра и пение птиц были не в счет!) я все-таки попросил его ввести меня в курс дела.

– Я всю дорогу тебе об этом рассказываю, – удивился Арсений и продолжил: – В этом случае я решил немного отойти от своего метода «пазлов»...

– Он что, живет в этом дворце?! – перебил я его, застыв перед мостом через широкий, одетый в гранит канал.

Перед нами возвышался то ли дворец, то ли неприступный замок, окруженный рвами с водой. Величественное строение, мимо которого мы частенько гуляли с детьми, воспринималось мною как один из шедевров петербургской архитектуры середины девятнадцатого века. И представить, что это вполне себе современный дом, в котором просто живут люди, я, при всем богатстве фантазии, не мог.

– Это же Зимний дворец! Эрмитаж! – Я стоял с приоткрытым от удивления ртом посреди моста, ведущего, как выяснилось, к месту жительства нашего нанимателя.

– Я же тебе сказал, – недовольно ответил Арсений, вынужденно останавливаясь, – что этот мужик живет через речку от тебя. Пойдем, налюбуйся еще...

И потянул меня за рукав к воротам, красивым, кованым, с затейливым узором, через которые, надо полагать, проезжали обитатели замка. А вход для обслуживающего персонала, к которому мы, без сомнения, относились, был рядом с воротами – маленький домик с двумя охранниками внутри.

Мы представились, продемонстрировали документы, и поскольку наши фамилии фигурировали в списках допущенных на территорию замка, нам предложили пройти... увы, недалеко! В рамке, под которой первым прошел Арсений, сработала сигнализация. Строганова остановили, вежливо попросив выложить на столик телефон, оружие и прочие подозрительные предметы. Арсений согласно кивнул и поверх телефона положил нож-бабочку, рядом с ножом пристроил кастет и снова попытался пройти. Я тем временем избавился от своего телефона и газового баллончика, болтавшегося у меня в кармане пиджака.

Вновь раздался сигнал тревоги. Тогда один из охранников спокойно стал проверять подозрительного посетителя металлодетектором необычной формы. Неторопливо и основательно он проверил весь организм моего приятеля, и вдруг в области правой наружной лодыжки прибор занервничал.

– У меня металлическая конструкция в голени, – тут же пояснил Арсений. – После травмы автомобильной...

– Да, конечно, – не стал с ним спорить охранник. – Пожалуйста, брjучину поднимите...

В миниатюрной кобуре я увидел знакомый двуствольный дерринджер. Знакомый, потому что мне как-то довелось из него стрелять.

Я думал, что будет скандал или нас сдадут в полицию, но нет, убедившись, что ни у одного из нас больше нет ничего запрещенного, нас пропустили во дворец. Или замок, как вам больше нравится. Правда, снабдив сопровождающим.

Не поверите, но больше всего меня поразил не уровень охраны, это было вполне ожидаемо для такого жилища, удивила меня реакция этих секьюрити, точнее, отсутствие таковой. Ну в самом деле, является странная парочка... Я, правда, был одет прилично и буднично: джинсы, рубашка, пиджак, но Арсений! Джинсы и остроносые ботинки, футболка с профилем двух киногероев и надписью «True Detective», черная кожаная куртка и ковбойская шляпа, завершавшая картину повседневного стиля моего приятеля – словом, «наши» люди так не одеваются. А солидные мужчины так не вооружаются. Но охранники, если что и подумали про нас, вслух ничего не сказали.

Оглядывая помещение, в котором мы оказались, мне пришло на ум несколько ассоциаций: итальянское палаццо, Дворец дождей в Венеции, особняк Штиглица в Петербурге – ну, словом, из этой оперы... Пока я, раскрыв глаза и рот, рассматривал нежных оттенков мраморные колонны с позолоченными капителями, высокие стены, покрытые венецианской штукатуркой, светильники с разноцветными матовыми плафонами, картины в массивных рамах, Арсений развалился на каком-то пуфике. Шляпу он свою набросил на стоящую на бронзовом постаменте фарфоровую вазу. И что-то читал в телефоне.

– Прикинь, – сообщил он мне, – здесь до этого дома усадьба купцов Елисеевых была!

– Ага. А как думаешь, – спросил я его, – колонны настоящие?

– Гипрок! – отреагировал Строганов. – Жаль, ножик забрали, можно было бы поковырять.

Кстати, мы ожидали аудиенции в прихожей. Ну, в холле. Прошло минут пять-десять, и Арсений стал проявлять нетерпение: историческую статью он прочитал и жаждал деятельности.

– Пошли, – вскочил он и потянул меня за собой. – Времени мало. Мне надоело здесь торчать!

Ничто так не разрушает человека, как продолжительное бездействие!

Однако на меня обстановка подействовала угнетающе, я бы или вообще свалил на улицу из царских чертогов, или хотя бы остался сидеть там, где было велено. Арсений пожал на это плечами и пошел вперед, бросив мне «догоняй!». По дороге он долбанул кулаком колонну и скривился от боли: видимо, все-таки они были каменные.

Арсений шел уверенно, словно сталкер по Зоне. Миновав библиотеку, напомнившую мне музеи Ватикана, гостиную с огромным камином и люстрой, как в Елисеевском магазине, через небольшой коридор, в котором стояло чучело медведя, мы подошли к лестнице и поднялись в огромный зал (танцевальный, что ли?), в котором находились какие-то люди. Огромные окна с красивыми тонкими переплетами выходили на Неву. Потолок напоминал аналогичный в Сикстинской капелле, только сюжет росписей был повеселее. А справа от входа стояла пара пустых кресел стиля ампир, во всяком случае, я его так себе представляю.

– Мы прибыли! – громогласно заявил Арсений. – Здравствуйте! – и усевшись в кресло, закинул ногу на ногу. (Я тоже примостился на краешке своего трона.)

После небольшой заминки, во время которой никто из присутствующих в зале людей не проронил ни слова, раздался грозный хриплый голос:

– Это еще что за...? Как этот клоун вообще сюда попал? Где эти раздолбаи?

Последнее, вероятно, относилось к охране, пропустившей нас. И тут заговорили все разом, и мужчины, и женщины. Мне захотелось исчезнуть или залезть под кресло, или оказаться в реанимации. В качестве доктора я себя чувствую уютнее!

Глава 4

Обладатель грозного голоса навис над Арсением. Здоровенный, с колючим взглядом бесцветных глаз и злым, но малоэмоциональным лицом, он внушал страх своим свирепым видом и резкими движениями. Мне, во всяком случае. Строганов же и глазом не моргнул.

– Вам где сказано было сидеть? А? Почему без вызова приперлись? – прорычал он сквозь зубы ругательство и, развернувшись, быстрым шагом вернулся к пожилому мужчине, сидевшему на диване в противоположном конце зала. Почтительно склонившись над ним, он что-то ему рассказывал, вероятно, про нас с Арсением, поскольку сам бросал на нас взгляды, и слушавший его мужчина тоже разок посмотрел в нашу сторону.

– Это Сердюков Георгий Петрович, отец пропавшей девушки, – вполголоса пояснил мне Арсений. Он сидел, сложив кончики пальцев, и внимательно рассматривал всех присутствующих. – А с ним, скорее всего, его начальник безопасности, некто Дим Димыч. Я с его замом встречался, – так же негромко добавил он.

Не хотел бы я быть на его месте, неожиданно подумал я про президента, глядя на его опущенные плечи и осунувшееся лицо. Вероятно, он похудел за этот месяц, поскольку темный костюм, явно очень дорогой, сидел на нем мешковато, словно с чужого плеча.

Тут к нам подошел невысокий полноватый мужчина, по возрасту ровесник Сердюкова, эдакий добряк, чем-то напоминавший Черчилля, одетый в обыкновенную белую рубашку, серые брюки и сандалии, прищурился на нас и без того узкими глазками и негромко произнес:

– Тело бы найти! Все бы уж успокоились! А так... – и, обращаясь к стоящему неподалеку высокому мужчине, по выправке похожему на военного, заявил: – Просрались! Кто обещал землю рыть? Кто обещал за неделю найти? Живую или мертвую! Чего отворачиваешься? Ты в этом городе главный! С тебя и спрос...

И махнув рукой на побагровевшего от негодования, вероятно, какого-то большого начальника, явно не привыкшего к такой критике, он пошел к отцу пропавшей девушки. (Я заметил, что глава охраны президента фирмы, Дим Димыч, так и стоявший около Сердюкова, при этом довольно ухмыльнулся.)

– Слышь, Петрович, поехали ко мне? Чего ты тут торчишь, как сыч? Поживешь у меня немного... Юра, уговори его! – Толстяк повернулся к мужчине лет тридцати пяти, сидевшем в кресле недалеко от Сердюкова. Он что-то внимательно изучал в своем телефоне, в беседе участия не принимал, но, услышав, что к нему обращаются, поднял голову и слегка удивленно посмотрел на говорившего.

– Сергей Мироныч, – откликнулся Юрий, – вы его лучше меня знаете...

И он изобразил неясную гримасу на своем умном холемом лице.

Георгий Петрович чуть вздрогнул, услышав голос Юрия, затем медленно повернул к нему голову и тихо, но четко произнес:

– Юра, теперь я тебе поручаю это дело. Ты возглавишь поиски моей Маргариты...

Он замолчал, но никто не решился ничего сказать, даже Сергей Миронович, не говоря уже о начальнике безопасности. Лицо Дим Димыча свело злобной гримасой, но он не проронил ни слова. А президент уставился немигающим взглядом на Арсения, который качал ногой да еще и жевал жвачку.

– Мне сказали, что ты можешь найти... – так же тихо произнес президент, но поскольку в зале настала тишина, его было очень хорошо слышно. – Найти мою дочь...

– Могу, – спокойно, словно речь шла о пропавшей зарядке для телефона, заявил Строганов. – Если мешать не будут, – пожал он плечами.

– Не будут, – низким голосом сказал Сердюков. – Юрий Анатольевич будет над вами... шефствовать. Вы работаете с ним, докладываете ему... а он лично мне...

Он продолжал буравить взглядом Строганова, но тот сидел как ни в чем не бывало, молчал и глаз не отводил. А я поймал себя на том, что задержал дыхание, вероятно, от страха!

– Все. – Президент стал вставать, опираясь на руки по-стариковски, и, медленно переступая, побрел к выходу. Остановившись, он поискал кого-то глазами, на секунду задержав взгляд и на мне. Несмотря на грозный облик и привычку командовать, в глазах его стояла мольба о помощи. Ну, мне так показалось.

– Дима, – бросил он своему начальнику охраны, – пойдем со мной... на пару слов...

Тот, сунув руки в карманы брюк, не спеша последовал за боссом. Но проходя мимо нас, остановился. Мне опять стало не по себе, тем более что Арсений, чуть склонив голову набок, стал его откровенно разглядывать.

– Потом поговорим, – хрипло предупредил он нас. – Я сейчас с шефом перетру этот вопрос, а дальше... Короче, будете докладывать лично мне, а не...

– Тебя отстранили, – спокойно заметил подошедший к нам Юрий. Он был чуть ниже ростом начальника отдела безопасности, но при этом взирал на него «снизу вверх свысока». – Слышал, что Старик сказал? Теперь я возглавляю расследование. Мне это на хрен не нужно, но если ты не справился, то...

Тот закашлялся от негодования.

– Ну, поздравляю тебя, Юрий свет Анатолич! Ты теперь детективом стал! – язвительно заговорил начальник безопасности. – Возглавил следственную группу клоунов! Мои поздравления!

– Ты свои приколы для себя и своих дебилов оставь, – наш новый шеф стоял вполборота к своему собеседнику и смотрел мимо него. – Все материалы передашь им. Лично! А потом...

– Уж как-нибудь соображу, как передать, – вставил тот и перед тем, как уйти, бросил для нас с Арсением: – Слушайте, сыщики, дарю вам бесплатный совет! Угадайте, кто больше всех выиграл, когда Маргарита пропала? Правильно! Юрий свет Анатолич! А знаете почему? Потому что Георгий Петрович уже месяц как забросил дела. А исполняет его обязанности кто? А вот он! – и потыкал указательным пальцем в сторону Юрия. – Вот такой интересный мотив!

Я думал, что сейчас будет или драка, или, что более вероятно, скандал, но ошибся. Юрий свет Анатолич неприятно улыбнулся своими тонкими губами и проговорил:

– Ну, вот и отлично! Я, как исполняющий обязанности президента, сообщаю тебе: ты уволен! Я скажу, кому будешь сдавать дела!

– Не ты меня принимал, не тебе и снимать, – глухо ответил тот и, развернувшись на 180 градусов, вразвалочку отправился к выходу.

– Урод, – вслед ему бросил Юрий, – и двух пешек не стоит!

– Зато мы – «тяжелые фигуры»! – тут же сообщил Арсений. – Материалы, кстати, мне уже передали.

– Что? А, понятно, – сказал Юрий. – Сейчас, подождите, мне еще пару вопросов утрясти...

И он отправился к стоявшей у окна женщине. Мы с Арсением переглянулись, он мне подмигнул, я покачал головой.

К нам подошел тот самый начальник, который, по словам Сергея Мироновича, «прорсрался». В темном костюме, белой рубашке, при галстукке и со значком в виде красного щита с золотым мечом на лацкане пиджака. Он был чуть старше меня, с гладко выбритым и абсолютно непроницаемым лицом. Не злобным, как у Дим Димыча, а скорее волевым. Морщины в уголках глаз и уверенный взгляд сильного, немало повидавшего за время службы человека придавали ему некоторое сходство с Джеймсом Бондом. Словом, «настоящий полковник».

– Игорь Иванович... – скромно представился он и, чуть помолчав, добавил: – Что-то я про вас слышал. Давайте обменяемся координатами? Мой телефон... – и он протянул Арсению свою визитную карточку.

Арсений был не лыком шит и тут же дал ему свою визитку. Тот хмыкнул, рассмотрев карточку Строганова (на красном фоне черный дракон, изрыгающий желтое пламя, а на обратной стороне имя и фамилия, написанные витиеватой вязью, как на знамени Ермака), и широким шагом вышел из зала, ни с кем не прощаясь и даже не повернув головы в их сторону.

Толстяк Сергей Миронович, снова оказавшись около нас, хлопнул Арсения по плечу и примирительно сказал:

– Не берите в голову, пусть они собачатся, ваше дело искать! Если что, обращайтесь, не стесняйтесь! – и был таков.

Тем временем наш новый руководитель Юрий, кривовато улыбаясь, беседовал со стильно одетой женщиной, с виду лет сорока. Я отметил ее спортивную фигуру, гладкую кожу на лице и руках – несомненно, результат посещения фитнес-центров и дорогих клиник... Она если и улыбалась, то только губами, быстрой деловой улыбкой. Ее лицо было хоть и омоложенное, но жесткое, а глаза, похоже, привыкли выражать не чувства, а оценивать цифры и состояния. Однако, судя по невербальным проявлениям, деловая женщина была заинтересована в Юрии. Разговор продолжался уже минут пять, когда Арсений вскочил, поскольку сидеть ему уже наскучило, и стал к ним приближаться, перемещаясь галсами, словно парусник против ветра. Оказавшись рядом, Арсений замедлил свой ход, но разговор уже подходил к концу, и буквально через минуту Юрий, поискав глазами Арсения и с удивлением узрев его рядом с собой, кивком головы дал понять, что он уходит. Мы втроем направились к выходу. В мраморном холле Юрий остановился и обратился к нам, причем держал он себя с нами достаточно просто, но так, чтобы у нас не возникло и мысли, что мы одного с ним уровня.

– Так, – чуть кривя губы, начал он. – Старик меня озадачил... (Интересно, подумал я, что он имел в виду: что ему поручили решить задачу или что президент его удивил?) – Да, мне теперь только этого не хватало – руководить поисками.

– Давайте руководить буду я, – без тени иронии предложил Арсений.

Губы Юрия распрямились в тонкую линию.

– Типа, шутка такая? – спросил он и, чуть помолчав, продолжил свою речь: – Во-первых, я без понятия, с чего начинать эти поиски. Во-вторых, подчиняться вы будете лично мне. В третьих... у меня времени и желания играть в детективов нет. Что из этого следует?

(Я подумал, что у него туговато с логикой, но не стал озвучивать свои выводы.)

– Из этого следует... – начал Арсений, усмехаясь.

– Правильно! У нас с вами будут шахматы-адванс! А вы будете «бешеными фигурами»! О'кей? – Тут он вдруг широко улыбнулся и даже хохотнул.

– Нет, – оборвал его радость Арсений.

– Почему? – удивился Юрий. – Это шахматные термины...

– Потому что мы – «бомбы», если пользоваться шахматной терминологией, – мрачно пояснил Арсений.

– Гамбит, – примиряюще заметил я, не особо владея шахматным языком. Просто на «аминь» похоже.

Юрий с интересом посмотрел на нас.

Глава 5

Мы сидели со Строгановым на скамеечке около пруда. Мечта импрессиониста! Неподалеку, за синим забором, шло разрушение дачи Гаусвальд, известной в народе как «дом Ирэн Адлер». Раздавался шум отбойных молотков пополам с русским матом, произносимым с иностранным акцентом. Гуляли родители с маленькими детьми, влюбленные парочки с пивом в руках и любители фотоохоты с дорогими фотоаппаратами наперевес.

Но несмотря на привычный и спокойный мир вокруг, я чувствовал себя как пациент клиники неврозов – тревожно. То, что нас ждали неприятности, как котенка Гава, я и не сомневался. Слишком многих врагов мы могли себе нажить. В слишком опасную историю мы попали. И ощущал я себя этим беспомощным котенком среди собак бойцовских пород. Это я и попытался донести до своего напарника.

– Чушь, – коротко ответил Арсений. – Чего ты боишься? Кого? Ты сам себе противоречишь. Если, по твоим словам, они такие тяжелые фигуры, такие серьезные люди...

– А что такое «тяжелые фигуры»? – спросил я на автомате.

– Шахматный термин, – ответил Арсений. – Знаешь, кстати, чем занимался наш свет Юрий до того, как его назначили нашим руководителем?

– Вообще? – не понял я вопроса. – Вице-президентом, вероятно, работал.

– Да нет! Там, на сборище. Он в шахматы играл в телефоне!

– А откуда ты...

– Я разглядел на экране, когда он рядом с нами стоял, – пояснил глазастый Строганов. И продолжил: – Так вот, если мы с тобой такие маленькие и беззащитные, какими ты нас хочешь представить, а они такие крутые и тяжелые, то стоит ли нам беспокоиться? Муравьи не озабочены, гnevаются ли боги или нет. Они знай себе трудятся...

Меня не слишком удовлетворило объяснение Арсения.

– А что такое «адванс» и «бешеные фигуры»? – вспомнил я еще пару терминов.

– Посмотри в Гугле, – бросил он. – Что ты как маленький? Нам выпала возможность прославиться и срубить кучу денег, а ты...

– А если нет? – возразил я ему. – Если мы никого не найдем? Что с нами тогда сделают? Эти твои фигуры... Шах! Мат! И съедят! Один этот Дим Димыч чего стоит!

Строганов посмотрел на меня, прищурившись из-под своей ковбойской шляпы, и заявил:

– Поздно останавливаться на полпути! Тогда нужно было и не начинать!

Я широко раскрыл глаза от удивления.

– Ты сам как-то мне это говорил, – пожал он плечами.

– Это Сенека! А не я, – хмуро поправил я его.

– Да ладно, доктор! Что ты скис? Чего испугался? Давай, процитируй какого-нибудь своего философа, и начнем поиски этой несчастной! Тем более я знаю, где ее искать. Завтра, помяни мое слово, к вечеру мы будем знать все!

Я посмотрел на него несколько раздраженно, потому что не верил ни единому слову, вздохнул и произнес:

– «На что ты рассчитываешь, то и обретёшь».

– Bravo! – воскликнул Арсений и хлопнул меня по спине. – Согласен. Еще что-нибудь сбацай!

– Богатые тоже плачут...

– Еще лучше! – снова похвалил он меня. – Это кто, Аристотель? Ладно, давай к делу.

– Давай, – согласился я, – расскажи мне, как нам играть с этими «тяжелыми фигурами»...

– Да что ты заиклился на них? – перебил меня бесстрашный Строганов. – С ними и так все ясно.

– Да что ты? Просвети меня тогда, пожалуйста. – Я вздохнул, поражаясь его беспечности.

– Ну, Дим Димыч... Субъект весьма отмороженный, агрессивный и расстроенный. Он не нашел Маргариту, это раз. – Строганов разогнул большой палец. – Его прилюдно отстранили от расследования в пользу нашего Юрия, это два. – Он разогнул указательный палец. – Нас, новых детективов, которые могут найти девушку и которых нашел именно он, у него забрали и передали другому...

– Это три, – подсказал я ему, поскольку он замолчал.

– Да, точно! – очнулся Арсений. – Но тут не все так просто! Сердюков позвал его с собой для того, я уверен, чтобы объяснить ему свой план: возглавляет теперь расследование Юрий, а Димыч будет наблюдать и следить за нами, так сказать, тайно. Зачем? – спросил Строганов и сам же и ответил: – Без понятия. Видимо, стиль руководства такой: никому не доверяй.

– Странный руководитель, – усомнился я.

– Наоборот, хитрый ход Сердюкова! – тут же возразил Строганов. – Он понял, что Дим Димыч ничего не добился, и не хочет делать на него ставку. А ставит он на Юрия. Но при этом он не может обидеть своего главного охранника, поэтому говорит ему, что формально возглавит расследование Юрий, а на самом деле он, Димон, будет наблюдать за Юрием, то есть стоять *над ним*, а не *под ним*. И все по понятиям.

– И что, он и правда будет следить за нами?

– Еще как! – кивнул Арсений. – Будет тенью красться! А вдруг мы чего найдем? Тогда он нас опередит и станет победителем!

– Возможно, – я пожал плечами. – А этот, на Джеймса Бонда похожий, Игорь Иванович... – начал было я.

– Это спецслужба, – усмехнулся Арсений. – Какой-то начальник. Он, видимо, сегодня отчитался перед Сердюковым, что ничего и никого не нашел, поэтому тот толстяк на него и наехал, – задумчиво сообщил Арсений и плотно сжал губы.

– Толстяк – Сергей Миронович? – уточнил я.

– Ага, – кивнул Арсений. – Видимо, он друг Сердюкова. Кстати, хорошо, что он нам помощь предложил, может, придется воспользоваться. А теперь слушай, что я узнал, пролопатив кучу материалов!

Я тяжело вздохнул, смирившись перед неизбежностью судьбы.

– Аллора, – радостно начал Арсений. – Сердюков Георгий Петрович, президент Северной Финансовой Группы, довольно старый мужик, ему 65 лет, но обладает крупным состоянием, положением в обществе, собственным теннисным кортом, а также сыном и дочерью. Сын, правда, погиб несколько лет назад в автомобильной аварии, вроде бы несчастный случай, но подробностей не знаю.

– Это все в материалах дела было? – удивился я.

– Нет, конечно, это я в сети наковырял. А еще он разведен, женат на молодой, и любимое блюдо нашего работодателя – борщ плюс рюмка водки...

Я с подозрением посмотрел на рассказчика:

– А при чем тут любимое блюдо? И неужели *это* можно найти в сети?

– А это уже из его дневника. – Он изобразил то ли художника, пишущего картину, то ли писателя, дающего автограф. – Сердюков в течение многих лет ведет что-то вроде дневника. Я его весь перечитал – скука сплошная, – недовольно добавил он.

– А как он к тебе попал? – я был изумлен, ведь дневник все-таки вещь приватная.

– Ха! Он сделал последнюю запись на следующий день после исчезновения дочери, сидя у нее в комнате. – Строганов размахивал руками, словно дирижер. – С горя и забыл его там. А во время осмотра и обыска, не особо вдаваясь в детали, чей именно это дневник, его присоветовали к остальным материалам. А потом привезли мне...

– А ты ему сказал об этом? – задал я риторический вопрос.

– Когда? – раздраженно посмотрел он на меня. – Ты был со мной все время. Когда я мог ему сказать? Или я, по-твоему, обладаю телепатией? Или я...

– Там было что-то полезное? – прервал я его.

Строганов успокоился так же быстро, как и вспыхнул.

– Что? А, нет, я же говорю, скука сплошная. Он где-то раз в полгода изливал на бумагу какую-нибудь посредственную мыслишку, выдавая ее за гениальность.

– Какая жалость, что ты не ведешь дневник, – я придал лицу выражение скорби. – Мог бы благодетельствовать все человечество гениальными мыслями...

– Человечество, говоришь? – повторил он зловещим тоном. – Я тебе сегодня передам мысли Сердюкова, читай их хоть всю ночь, и если найдешь там хоть что-то полезное... Все! Хватит меня перебивать! Слушай дальше! Так вот, – продолжил он, – любимая дочка, Маргарита, двадцати четырех лет, последние три года живет в Лондоне, где занимается бизнесом – владеет художественной галереей. Она раз в год привозит в Питер картины и устраивает выставки-продажи. Прилетев в этом году в начале весны, она организовала выставку в Музее художников России. Дочка не замужем... – тут он сделал паузу, бросив на меня многозначительный взгляд, – но друг у нее есть, он живет и работает в Монако. Ничто не предвещало беды. Месяц назад она припарковала свою машину на улице, перешла эту улицу и пропала. И с тех пор ее никто не видел и ничего о ней не слышал. Ни трупа, ни предложений о выкупе – она просто взяла и исчезла посреди бела дня в самом центре города! Ее искали полиция, ФСБ, частные детективы, экстрасенсы, волонтеры – но никакого результата...

– Ну, – обратился я к замолчавшему оратору, – ты говорил, что завтра к вечеру мы будем знать все! Что у тебя за версия?

– У меня их двенадцать! – гордо сообщил он.

– Может быть, ее инопланетяне забрали? – пошутил я.

Строганов взглянул на меня восхищенно.

– Тринадцать! Браво, доктор! Об этом я не подумал!

Я вздохнул. Он не язвил, не иронизировал, он и правда стал рассматривать причастность инопланетных цивилизаций к исчезновению Маргариты Сердюковой. Я подумал, что успешная деятельность Строганова в качестве детектива обязана его безудержной фантазии, доходящей иногда до безумия. И феноменальной памяти. Ну, еще и немислимому везению, которое он называл «промысел Божий».

Не было еще ни одного гения без некоторой доли безумия, и Строганов был не исключение.

– Поехали теперь ко мне, – вскочил он со скамейки, вспугнув тем самым наблюдавшую за нами белку. – Фото и видеоматериалы лежат дома, я почти все изучил... ну, половину всего, это точно!

– Кстати, а кто тебе их передал? – Я неожиданно нашел в кармане семечку, почистил ее и положил на открытую ладонь. И замер в ожидании. Белка подумала секунд пять, подобралась поближе и схватила своими лапками угощение.

– Наверно, приятельница Лазающего мышонка, – посмотрев на белку, хмыкнул Арсений и двинулся к выходу из парка, в сторону моста.

– Так насчет материалов, – догнал я его.

– А, тут все просто. Их начальник безопасности, ну этот, Димон...

– Он тебе *не Димон*, – пошутил я.

– Да, – кивнул Арсений. – Так вот, этот Дим Димыч несколько дней назад общался с Громовым и, вероятно, рассказал ему о своей проблеме. Михалыч ему нас и сосватал. Предупредив, наверно, что я почти гений.

Я улыбнулся, представив, как Василий Михайлович Громов, не переносивший Арсения, но частенько обращавшийся к нему за помощью, характеризовал его: «Мерзкий отморозок, раздражающий любого нормального человека! Но! Иногда может решить сложную задачу».

– После чего, – продолжал этот непростой в общении детектив, – мне позвонил заместитель этого Димона, мы встретились, поговорили. Я сказал, что должен посмотреть все, что они нарыли, и тогда смогу ответить, возьмемся мы за это дело или нет. И несмотря на то, что, конечно, они предоставили далеко не все, что обнаружили... короче, мне и этого хватило! Сейчас приедем, и я тебе все покажу. Кстати, помнишь, у тебя был приятель, который на «Скорой помощи» работал...

– Андрей? – слегка удивился я его поворотам в беседе.

– Да, Андрей. Позвони ему, спроси, когда он дежурит.

– Хорошо... а при чем здесь... – начал было я.

– Ну, со «Скорой» проще, чем, скажем, с «пожарной»... – туманно ответил Арсений.

И мы отправились через мост по Каменноостровскому к Петроградской. Путь был неблизкий, но энергия из Строганова так и била фонтаном, и он никак не смог бы усидеть на одном месте в общественном транспорте. Типичный Маниакально Депрессивный Психоз, однофазное течение. Я ему так и сказал: – У тебя фаза мании!

– Если человек счастлив, то это что, патология? – возразил он мне, лавируя между пешеходами.

«Счастье на стороне того, кто доволен», – подумал я, но вслух сказал другое:

– Как можно быть счастливым, когда беремся за такое грустное дело? Можешь не верить, но мне жалко этого старика! Столько денег, власти, а любимая дочь, скорее всего, мертва. И вообще неизвестно, что с ней случилось...

– Вот именно, неизвестно! – возразил этот счастливец. – Может быть, она жива, а ты ее хоронишь. «А не спеши ты нас хоронить, а у нас еще здесь дела...» – запел он в полный голос. Встречные или расступались, или бросали на нас злобные взгляды.

По дороге я выяснил, что мой друг Андрей дежурит на «Скорой» завтра. «Тогда завтра!» – непонятно выразился Арсений.

* * *

Войдя в его комнату, я поразился увиденному: она была поделена на две половины. Поделена, скажем так, условно. В одной ее части царил образцовый порядок, а в другой был страшный бардак.

– Что это у тебя за инь и ян? – обратился я к нему. – Или просто времени не хватило закончить уборку?

– Интересная мысль, – кивнул он, – насчет инь и ян. Двойственность вообще свойственна природе вещей... дуализм... два полушария мозга... две половинки задницы...

– И только ты один, – добавил я, пытаюсь понять, разыгрывает ли он меня или нет.

– Это моя новая теория. Смотри, – указал он мне на две гитары и губную гармошку, все это валялось на полу, – там творческая зона, там включается правое полушарие. А здесь, – он махнул в сторону компьютерного стола, – идет расследование нашего дела. Там я пишу музыку, а здесь занимаюсь дедукцией...

И правда, многочисленные папки, файлы, просто бумажки лежали аккуратно, ровно, словно по линейке. Неподалеку от стола расположились картонные коробки и тоже как кирпичики в стене. Я был поражен. Арсений и порядок – вещи несовместные!

Материалы содержались не только на бумажных носителях, но и в компьютере, причем, как сказал Арсений, самая важная их часть.

– Начнем, пожалуй? Итак, 20 апреля, в среду, около 16 часов дня Маргарита Сердюкова едет по Кировской улице и останавливается на платной парковке. Вот здесь! – Строганов увеличил масштаб карты и ткнул длинным ногтем в экран компьютера. – Затем выходит, оплачивает парковку и пешком идет в сторону «Парадного квартала».

– Ну, он немного дальше, – поправил я его.

– Я про направление, – сказал Арсений. – Дальше...

И он стал показывать мне фотографии, точнее, скриншоты записей видеокamer, восстанавливая почти пошагово маршрут пропавшей девушки.

– Вот она остановилась напротив магазина нижнего белья. Вот зашла внутрь. Здесь она рассматривает полки с распродажными бюстгалтерами...

А я рассматривал саму пропавшую девушку: стильный светлый плащ, длинные красивые волосы... Симпатичная, обаятельная... И совсем не похожа на своего отца...

Арсений подтвердил мои наблюдения, добавив, что был бы рад найти ее живой, чтобы познакомиться.

– В тебе жалости и сопереживания не больше чем... – я пожал плечами, не придумав, с кем его сравнить.

– Чем скамеек в православном храме, – усмехнулся он. – Во-всяком случае, я искренен и хочу помочь. И вообще хватит отвлекаться на девушек! Смотри, она там тусуется около семи минут, потом покупает лифчик, расплачиваясь картой. Со счета снято одиннадцать тысяч рублей...

– Сколько? – я не поверил своим ушам.

– Одиннадцать... ну, десять тысяч девятьсот девяносто рублей, а что? – не понял Арсений моего удивления.

– Ничего, – пожал я плечами, – сколько же он стоил без скидки?

– Можно узнать, – слегка озадаченно сказал Строганов, – только что это нам даст? Тут интереснее другое, смотри! Она, уже с покупкой, опять стоит перед этой же полкой, видишь? Но недолго... Зачем?

– Может, еще что-нибудь решила купить? – выдвинул я свою версию.

– Нет! – решительно покачал он головой. – Вот, смотри! – он отмотал запись назад. – Вот здесь она выбирает лифчик и, как все женщины, перебирает весь товар руками... А здесь, смотри! – он вернул прежнюю картинку. – Она просто стоит и куда-то смотрит! А еще она на часы взглянула. Потом выходит на улицу... Здесь ее снимает уличная камера, и это последняя видеозапись девушки перед исчезновением: она подходит к пешеходному переходу... и тут случаются сразу два события... Смотри! У нее сейчас стырят сотовый телефон!

И правда, несколько молодых людей разных национальностей с двух сторон подходят к девушке. Она чуть сдвигается, и тут же один из них быстро достает из ее сумки, висящей на плече, какой-то предмет и быстрым шагом удаляется. Девушка ничего не замечает.

– Вот гады! Грабят посреди бела дня! И никто ничего не заметил? – На меня произвела впечатление эта сцена ограбления своей наглостью, безнаказанностью и быстротой.

– Дальше еще интереснее! – усмехнулся Строганов. – Видишь, мужик с краю стоит?

Он ткнул в угол экрана мизинцем со старинным перстнем.

– Вот этот!

И Арсений защелкал мышкой, увеличивая профиль мужчины лет тридцати пяти – сорока. Лицо грубоватое, глаза чуть навывкате, – нагловатый тип, так мне показалось. Хоть и одет довольно прилично.

– Смотри на него! – сказал Арсений и продолжил воспроизведение. – Видишь, он подходит к нашей девице и пялится на нее?

Странный тип в упор разглядывал Маргариту, пока они переходили Кировскую. Но потом она повернула налево, а он, проводив ее взглядом, пошел в противоположную сторону.

– Слушай! – воскликнул я, – неужели он просто так ее рассматривал? Или он из той же банды, которая у нее телефон украла?

Интересно, подумал я, а ее отец смотрел эти видео? Наверно, нет, потому что можно сойти с ума от переживаний...

– Нет, – коротко ответил Арсений.

– Чего нет? – отвлекся я и забыл, что спрашивал.

– Он не из этой банды, – с расстановкой ответил Арсений. – Он сам по себе...

– А откуда ты знаешь? – удивился я.

Арсений тоже над чем-то задумался.

– Что? Как откуда, из материалов, конечно! Они выловили воришек...

– Как выловили?

– Да проще простого, – хмыкнул Строганов, – подъехали на следующий день и взяли всех... или почти всех. Даже телефон нашли. Делов-то! Допросили хорошенько и установили, что они просто щипачи, к пропаже дочки президента отношения не имеют.

– А если они соврали? – предположил я.

– Я думаю, что с ними плотно поработали. А вот мужик... с ним они лоханулись. – Арсений вдруг потер руки. – Поэтому у нас есть шанс!

– Э-э, не понял? Они его не нашли?

– Наоборот! Они нашли его, и для нас это большая удача! – Арсений тряхнул кулаками над головой. – Он живет рядом, вот в этом доме!

И Строганов показал на карте расположенный неподалеку дом.

– Я не понимаю... – начал было я.

– Элементарно, Ватсон! Он здесь живет, он ходит с работы домой и опять на работу, он мелькает на уличных камерах, на камерах, которые перед входом в магазины и так далее! Вычислить его место жительства не составило труда. Затем узнали место работы, – он в строительной компании каким-то руководителем работает. Не самым крупным, но и не офисный планктон, и не работяга. А дальше они стали его «пасти». Прослушка, слежка, электронную почту посмотрели, ну, короче, обложили со всех сторон. И ничего, прикинь? Ну, порнуху иногда смотрит...

– Может, он просто так, как ты говоришь, «пялился»? – сделал я предположение.

– Может, – кивнул Арсений. – Только по его роже видно, что он маньяк. А если маньяк на кого-то запал...

– Да ладно, – возразил я, – спустись в метро, там полно таких. Не все же...

– Все! – направил он на меня указательный палец с кольцом в виде клюва орла. – И я тебе со всей ответственностью заявляю: он ненормальный. Я, как увидел его, сразу понял: виновен! Тут и Гартнером не надо быть, чтобы определить по физиономии его тайные страсти! А когда я узнал подробности его жизни...

– Ты про порнографию?

– При чем тут порнуха? Порнуху все смотрят. А этот – здоровенный мужик, ему сороковник, качается в спортивном зале, не пьет, не женат, после работы бежит домой...

– Извини, – прервал я его обвинительную речь, – а еще какие-нибудь доказательства его виновности есть?

– Будут! – кивнул он. – Вот, взгляни еще раз на его рожу! Лоб, глаза, взгляд, нижняя челюсть, сейчас я видео поставлю, походку его заценишь...

Ну, вполне характерный тип, как мне показалось. Если бы я давал ему клички, то назвал бы его «упертый», «пучеглазый», «таран» или «бык»...

– Ну, что скажешь? – поинтересовался Арсений.

– Ну, не склонный к рефлексии, не слишком утонченный мужчина средних лет, – усмехнулся я.

– Ему сорок два, какие средние годы, – проворчал этот юнец. – Теперь самое главное! Как я его вычислил. Они два дня следили за ним, а потом нагрянули вечером к нему домой. И тут интересна его реакция. Вначале он испугался, а потом, когда ему показали фотографию пропавшей девушки, он, внимательно ее разглядев, расслабился и успокоился. Непонятно, с чего? И как его ни прессовали...

– Ну, вероятно, потому, что он не виновен, поэтому и успокоился, – вставил я.

– Да, они так и посчитали, – нехотя согласился Арсений, – тем более что ни отпечатков пальцев, ни каких-нибудь других следов пребывания девушки в квартире не нашли, а искали тщательно. Опросили консьержку, которая дежурила в этот день, она подтвердила, что он пришел домой один, в обычное время... Так вот! Обыск прошел в двух комнатах! – многозначительно закончил он.

– Ну и?

– А в квартире три комнаты! – склонился надо мной Арсений.

– То есть как – три?

– Вот так! Одна, вторая, третья! – Он загибал пальцы, а потом их разгибал. В общей сложности у Строганова на руках я насчитал четыре кольца.

– Не может быть! – воскликнул я, оторвав взгляд от его украшений.

– Я нашел в интернете про его дом. Его реконструировали и сдали четыре года назад. Можно посмотреть планировки всех квартир. В протоколе осмотра его квартиры сказано, что все окна выходят во двор, а по планировкам видно, что это могла быть только трехкомнатная квартира! У «двушек» все окна на Кировскую! Дом в форме буквы «Г», видишь? Таким образом, две комнаты у него в этой части дома, а третья – вот здесь!

И он в очередной раз попытался проткнуть экран монитора. Ну, прямо как Буратино и нарисованный очаг!

– Ну как можно не заметить комнату при тщательном осмотре? – И я постучал пальцем по лбу.

– Сложно сказать, – ответил Арсений, – надо самим смотреть. Скорее всего, вход в эту комнату, которая, кстати, площадью двадцать метров и имеет окно в другой двор, так вот, вход в нее замаскирован!

– Я не верю, что при тщательном обыске профессионалы не могли...

– Они искали не комнату, а следы пропавшей девушки! – скривился Арсений и многозначительно добавил: – А мы будем искать дверь к тайне!

– Или тайную дверь, – развел я руками. – Хорошее название для рассказа! Слушай, – мелькнула у меня мысль. – Насчет комнат! А мы не будем смотреть комнату или квартиру, где жила Маргарита? Кстати, а где она жила?

– В Лондоне, – Арсений вдруг посмотрел на меня с подозрением.

– А когда в Петербург приезжала? – уточнил я, стараясь говорить спокойно.

– У папы, – немногословно ответил Строганов. – У нее там кабинет и спальня. Я уже все осмотрел.

– Когда ты успел? – изумился я, поскольку во время визита мы все время были вместе.

– Я начал с них, – он продолжал буравить меня взглядом. – С комнат пропавшей девушки, – медленно пояснял он. – А ты почему спрашиваешь? У тебя есть какая-то идея?

Я вздохнул. Вероятно, Строганов стал подозревать, что у меня возникла идея про квартиру, в которой жила девушка, а у него, гениального сыщика, такой идеи не было.

– Все очень просто, – успокоил я его. – Во всех детективах начинают поиски с осмотра дома, где проживала жертва. «Молчание ягнят», к примеру... Я просто поинтересовался. Так когда ты успел?..

– А, – тут же расслабился он, – так бы и сказал. В ее комнатах производили обыск, все записано на камеру, и я все разглядел. Но поскольку ее исчезновение не имеет отношения к ее

жилью... маньяк же ее увидел совершенно случайно... Надеюсь, тебе достаточно моего слова, что в комнатах нет ничего для нас интересного? – с нажимом произнес он.

– Конечно! – улыбнулся я в ответ, а потом мстительно добавил: – Но я хочу посмотреть видеозапись. Как я смогу описать в книге обстановку ее кабинета, если не увижу все собственными глазами?

Раздался недовольный рык.

Тот, кто снимал на камеру жилье Маргариты, знал свое дело. Обстоятельно, неторопливо, водя объективом во все стороны, он (или она) дал возможность осмотреть помещения, словно я сам ходил по кабинету и спальне.

Кабинет Маргариты мне понравился. Он сочетал в себе деловой стиль и художественный вкус хозяйки. Письменный стол, изящная металлическая лампа, стены, до середины покрытые панелями из светлого дерева, а от середины до потолка – материей бежевого цвета. «А люстру привезли из Англии», – почему-то подумал я. На стенах были развешаны картины. Портреты, пейзажи, несколько абстракций, причем довольно симпатичных. Пара картин с цветовыми пятнами, превратившимися при ближайшем рассмотрении в букеты цветов. И одна работа, висевшая особняком, с изображением моря. Айвазовский, что ли? Только почему-то вместо корабля на гребне высокой волны покоился нереального вида и размера осьминог. Производивший съемку оператор, видимо, тоже заинтересовался этой картиной, поскольку потратил на нее секунд пять.

Пока я смотрел видео, Арсений стоял рядом, внимательно наблюдая за мной – вдруг я что-то замечу такое, чего не увидел он. Но, увы, чуда не случилось, и я через некоторое время просто остановил просмотр, так и не обнаружив какой-нибудь ниточки, могущей помочь нам в расследовании.

На прощание он всучил мне старую тетрадь, состоявшую из девяти восьми листов, и мстительно напутствовал:

– Читай, читатель, а утром отчитаешься!

Это был дневник Сердюкова. А я надеялся избежать роли чтеца чужих мыслей...

* * *

... опять мне снился мой детский кошмар. Надо же, каждый раз, как болею, снится мне эта чушь. Все родные вокруг плачут, и я тоже плачу, а чего - и не знаю. И тоска такая жуткая накатывает, что хоть в петлю... а заканчивается сон тем, что нечто огромное, как гора, на меня надвигается и говорит голосом низким и тихим: «а вот и я!»

Я хотя и не верю во всех этих предсказателей, думал, что это я свое будущее вижу. И страшно мне становилось. Особенно когда подростком был. Но как-то раз мне мать рассказала историю... только мне тогда всего-то годик был... Так вот, умер Сталин, вся семья сидела и плакала, и я тоже. Может, мне все-таки просто это запомнилось? Говорят же, Толстой помнил себя с пеленок? Чем я хуже? Всяк, лучше это будет кошмар из прошлого, чем то, что меня ждет в будущем.

Говорят, у каждого святого было прошлое, а у каждого грешника есть будущее. Очень бы хотелось!

* * *

Каждый день срываюсь после работы и несусь домой. Мои не выдержали, спросили напрямик – тетку завел? Чего скрывать-то? Показал бы, что ли. А я смеюсь и говорю, мол, да, совсем молодую девицу, к ней и езжу.

Еду и думаю: когда у тебя дочка, это же совсем по-другому себя ощущаешь! С Борькой такого не было.

Уже полгода каждый вечер успеваю, чтобы искупать мою маленькую принцессу Марго. Стать отцом дело нехитрое, а быть им...

** * **

Вину предков искупают потомки. Чушь. Не верю.

** * **

На следующий день после дня рождения сидел и размышлял над одним из тостов, про то, что дожил до того опасного возраста, когда все женщины становятся привлекательными. Посмеялся... Потом про пожелания обновления – дома, машины, гражданства, жены и так далее...

Ребята подарили бюсты Петра Первого и Александра Третьего, знают мои пристрастия!

Вспомнил, что Петр свою жену усладил в монастырь, где гнобил много лет. Вспомнил еще кое-кого и его жену. И Ленина. Он писал: развод – это не распад семейных связей, а напротив, укрепление их на демократических основаниях.

Развод. Написал это слово и не могу поверить! Сказал бы кто лет десять тому назад, не поверил бы! Один Погосжа оказался прав, сказав тогда, что она мне не подходит. О себе небось думал!

Говорил Дзержинский: где любовь, там должно быть и доверие. А какое тут, к черту, доверие?

Борису я сумею объяснить, он – меня поймет, взрослый уже. А Маргарита? Как ее успокоить?

** * **

Тяжко мне, ох как тяжело! Но решил сесть и записать, о чем думаю. А иначе мысли, переживания, как кислота, выжгут меня изнутри. Лучшие я их выплесну на бумагу!

Вначале шок был. Потом злость – говорил же тебе, дураку! Сколько раз говорил? Не спасет машина, какая бы крутая ни была. Доигрался, доездили!

Ох, Борька... подвел ты меня, как подвел! Кому все передам? Кто останется после меня? Я на тебя рассчитывал, а теперь...

И вот беда, поговорить-то не с кем. Не верю никому! Сочувствиям их грош цена. Рожки кривят свои, мол, соболезуем, а потом идут по ресторанам и жрут с аппетитом.

Димыч, вот он и правда переживает за меня, не отходит ни днем, ни ночью. Как пес верный...

Хорошо, что девочки моей сейчас рядом нет... пусть уж лучше звонит каждый день...

А Мироньч, своих детей нет, так и не понимает, что значит сына потерять.

А вот кто меня больше всего бесит, так это Нинка. С тех пор как развелись, сколько лет просвистело... Обвинять вздумала меня. «Не уследил»! Надо же такое сказать?

Все-таки права моя девочка, лучше будет, если она сейчас прилетит ко мне. Очень ее жду!

Вывод: нужно уметь подняться каждый раз, когда падаешь.

* * *

*А как он мне сына напоминает! Даже как-то оговорился, назвал его Борей...
Карл Маркс сказал однажды: «любовь родителей наиболее бескорыстна».*

* * *

Стареем мы все! Мироньич сегодня меня поразило, говорит, что не радуется ему ничего, как это было раньше. А я подумал, что мне повезло – все-таки молодая жена, она бодрит!

А ты, говорю ему, завел бы себе кого, а то даже смеяться перестал! Радоваться надо, что живы, что еще что-то можем. Да не рыться в памяти, если хочешь быть счастливым. А он мне про трудности какие-то да про заслуги, так я ему ответил: покойников ценят по заслугам, а живых – по финансовым средствам! А их, слава Богу, достаточно. А непреодолимая трудность одна – смерть. Все остальное вполне решается. Никогда не думал, что наш толстяк пессимистом станет.

* * *

Боль такая в сердце, что решили, что у меня инфаркт...

Что может быть страшнее, чем пережить своих детей?...

Я не верю! Не верю, что ее нет. Моей доченьки, моей принцессы... Ее просто нет дома. Я у нее в комнате, а она еще не вернулась... я буду ее здесь ждать... день, месяц, год, всю свою оставшуюся жизнь... иначе к чему все это?

Я только не понимаю – за что? Вину предков ищут потомки...

*Грош цена тогда **Твоим** заповедям! «Раскаявшийся грешник стоит двух праведников». Разве нет?*

Сколько лет я каялся, свечки ставил, церквям деньгами помогал, службы заказывал, молитвы... и что? И к чему все это?

За что?

Будь ты проклят!

Поверю, только когда моя дочь вернется живой и невредимой!

Больше ничего писать не буду, нет ее, нет жизни, нет смысла...

* * *

Все утро я честно штудировал дневник Сердюкова, усиленно отгоняя мысль, что читать чужие письма некрасиво. Для поисков его дочери там и правда не оказалось ничего полезного. Но теперь я смотрел на Сердюкова совсем по-другому. Словно занимался лечением хорошо знакомого человека...

Глава 6

Днем мы с Арсением сидели на скамейке в небольшом уютном садике Аничкова дворца. Несмотря на близость Невского проспекта, здесь было тихо, ибо высокая каменная стена и мощные деревья значительно приглушали шум, а нежные зеленые листики и распускающиеся цветы на многочисленных клумбах вызвали ощущение загорода. Я зевал, потому что не выспался: вначале мысли о деле не давали заснуть, а потом какие-то кошмарные сны про пропавших детей заставляли меня вздрагивать и просыпаться. К тому же Арсений в три часа ночи прислал мне смс: «Представляешь, в России ежегодно пропадает 20 000 человек!» И еще одно сообщение: «синдром Бенджамин Кайла!» Я посмотрел в Яндекс, но то ли ошибался Арсений, то ли Яндекс не знал такого синдрома, предлагая Кайла заменить на Баттона, а Бенджамин Баттон оказался персонажем из фильма, – словом, эта ночная переписка также не способствовала моему сну. Когда я спросил его при встрече, что он от меня вообще хотел, Арсений честно признался, что ему не спалось, а очень хотелось пообщаться. Если не можешь изменить друга – отключай телефон! Так я и сказал своему приятелю, что в следующий раз буду на ночь выключать звук в телефоне.

– Аристотель бы этого не одобрил, – хмыкнул Строганов. – Итак! Звони Андрею и дай мне с ним поговорить. Это раз!

Я выполнил приказ начальства и набрал номер своего друга Андрея Стахеева, который работал доктором на «Скорой помощи». Арсений схватил мой телефон и стал вышагивать по песчаным дорожкам садика. Я, решив, что бежать за ним, прислушиваясь к разговору, довольно глупо, остался сидеть на скамейке.

– Перчатки и скотч ты взял? – поинтересовался у меня Арсений после того, как завершил свои переговоры. Я кивнул. (Из принципа не буду расспрашивать, о чем они говорили!) – Это два.

– Мы идем в квартиру маньяка? – посмотрел я на Арсения.

– Это три, – подтвердил он. – Кстати, его зовут Владимир.

– А за ним не могут следить? Ну, официальные органы, полиция там...

– Это еще зачем? – Он пожал плечами, отрицательно покачал головой и добавил: – Вообще активность следствия резко снизилась. Они отработали все свои версии. По горячим следам, так сказать... ну, мониторят морги, выезжают на трупы неизвестных женщин... Но энтузиазм их иссяк. – Арсений воздел руки к небу.

– Думаешь? – засомневался я. – Тут такие большие фигуры замешаны! Деньги! Положение...

– Это правда, – согласился Арсений. – Начальники отчитываются, требуют с подчиненных, только вот... только вот подчиненные их энтузиазм не разделяют. Во-первых, слишком разные зарплаты... а потом, многие люди богобоязненные!

– Не понял? – Я с изумлением воззрился на Строганова.

– Ну, смотри, – вздохнул он, – ты, когда в том дворце очутился, о чем подумал?

– Не знаю, – я пожал плечами. – Может, папашу пожалел: денег много, а счастья нет...

К тому же я, когда прочитал его дневник... – Я хотел поведать ему о своих впечатлениях, но Строганов меня перебил:

– Я так и знал! А вот всякий нормальный человек, увидев это богатство, подумал бы: это его Боженька наказал! А наши люди против Бога не пойдут! Поэтому поискали-поискали и перестали... – Арсений достал свой телефон, который на весь сад заиграл мелодию System Of A Down, кажется, под названием «Chop Suey». Я успел заметить имя звонившего: Шахматист. Ну надо же, и у меня зазвонил телефон! Звонили с работы, мой приятель, доктор с ЛОР-отделения:

– Вадим, привет! Слушай, у нас тут пациент «запсихел», нам с ним не справиться! Можно его к *вам* ненадолго спустить? «Загрузите» его чем-нибудь? А мы психиатра вызовем...

Но я расстроил его, сказав, что сегодня у меня выходной и чтобы он звонил на отделение. На заднем плане раздавались крики пребывавшего в белой горячке пациента.

Арсений заканчивал разговор, используя большей частью междометия типа «угу» и «ага», но последнюю фразу произнес четко: «Сто тысяч! Каждому!»

И пояснил мне:

– Это только аванс!

Я подумал, что это его стандартная формулировка при заключении договоров.

Арсений взглянул на мои часы, после чего погрузился в Мировую паутину посредством своего телефона, а я решил внести свою лепту в наше расследование:

– Скажи, а ведь если нашли украденный телефон Маргариты, то они же смогли посмотреть, кто ей звонил или кому она звонила? – робко предположил я.

– Для этого телефон не нужен, – бросил Строганов, не отрывая взгляда от своего телефона. – Разумеется... я смотрел звонки и сообщения в день исчезновения... и в другие дни тоже посмотрел...

– И? – не выдержал я его молчания.

– Что и? – недоуменно посмотрел он на меня. – Ничего особенного. У нее в среднем двадцать – двадцать пять звонков в день было. В последний день меньше, всего семь. Никто неизвестный ей не звонил. И это подтверждает мою версию о маньяке!

– А известные? – я хотел сказать, что, наверно, это важно, с кем она созванивалась в этот день или накануне, с кем назначала встречи, с кем переписывалась в соцсетях и так далее, но Арсений, словно прочитав мои мысли, наложил вето сразу на все мои теории.

– Какая разница? – с жаром заговорил он. – Она общалась со многими людьми до исчезновения. Ну, и с некоторыми из них разговаривала именно в тот день. С какой-то подружкой и юристом по совместительству – это раз. С папой – это два. Со своим бойфрендом – три. С директором музея, где ее картинки висели – это четыре. С подружкой, проживающей и находящейся в тот момент в Лондоне – это пять. С маникюршей – это шесть. С каким-то одноклассником – это семь. Ну и что? Главное – это то, что мы не должны идти по следам следствия, понимаешь? – Строганов вскочил и замахал руками. – Какой смысл? Они ничего не нашли, значит, они шли по неправильному пути! Мы должны придумать свои версии, какими бы фантастическими они ни казались! Согласен? – угрожающе склонился он надо мной.

– Мы пойдем другим путем, – кивнул я ему, опасаясь физических воздействий. А про дневник Сердюкова этот первопроходец даже не спросил, из чего я сделал вывод, что задание мое носило исключительно поучительный характер – смеяться над гением может только сам гений.

* * *

Время близилось к четырем часам, людей на улицах становилось все больше, – никто не хотел задерживаться на работе, когда такая погода: майское солнце приятно согревало и радовало петербуржцев. Машины медленными потоками текли из центра, пытаясь успеть выбраться до начала пробок. Мы шли пешком по Кировной в сторону Таврического сада.

– Знаешь, почему она Кировная? – перекинул Арсений шум улицы.

– Кирха? – наугад ответил я.

– А я вначале решил, что в честь Кирова, – кивнул он мне в ответ. – Смотри! Вот здесь она остановила машину, а потом пошла в ту сторону!

Мы последовали маршрутом пропавшей девушки и оказались около магазина дамского нижнего белья.

– Пошли в магазин, там нужно выяснить один очень важный момент! – кивнул он на вход в дорожущее заведение. – Постарайся отвлечь на себя продавщиц! – бросил он мне и уверенно вошел внутрь.

Как, интересно, я буду отвлекать на себя продавщиц? Мерить нижнее белье, что ли? Впрочем, покупатели бывают разные!

И я пошел за Строгановым.

Арсений сразу от входа свернул направо, к той самой полке с распродажными трусами и лифчиками, около которой мы видели на видеозаписи Маргариту. Я же, решив изобразить, что мы с ним незнакомы, прошел в центр зала.

По магазину слонялось несколько юных девушек, торчал столбом охранник, и не было ни одного настоящего покупателя, ибо мы со Строгановым были не в счет. Утомленные бездельем девушки ринулись на меня с нескольких сторон. А охранник проявил неподдельный интерес к Арсению, – тот у любого нормального человека вызвал бы подозрения: линялые джинсы с дырками, футболка с изображением Курта Кобейна (и тоже с дырками), что-то вроде джинсовой жилетки (правда, без дырок), витиеватые татуировки на руках и массивный перстень на мизинце завершали образ подозрительной личности. Девушки стали деликатно расспрашивать меня, для кого я хочу сделать подарок, и узнав, что для жены, искренне изумились. Но, как известно, покупатель всегда прав, поэтому мне тут же предложили нижнее белье из самой последней коллекции... самое лучшее... самое недорогое, что можно найти в этой серии! Стартовая цена трусов начиналась с суммы, которую я получал за неделю работы.

– Этой покупкой вы осчастливите вашу жену, – уверяли они меня.

Я поглядывал на Строганова, успел ли он найти свой важный факт, и размышлял, как мне отсюда уйти без трусов и лифчиков, но с деньгами. А тот неожиданно достал телефон и стал что-то фотографировать через окно на улице. Охранник тут же направился к нему, подзревая неладное, но Арсений уже развернулся к полкам с бельем и, ткнув в какой-то комплект, заявил, что мы его берем. Охранник замер по стойке смирно. Арсений дал одной из девушек банковскую карту и попросил хорошенько завернуть наши покупки и положить их в самый маленький мешок.

– Иначе я не буду платить! – предупредил он, видя, что приготовили огромный фирменный бумажный пакет.

Пока озадаченные и осчастливленные продавщицы (как будто это им купили белье!) занимались упаковкой, Арсений гордо стоял посреди зала, что-то изучая в своем телефоне.

Наконец, мы вывалились из дорожущего магазина, пакетик и правда был малюсенький, чего не скажешь о счете: мы заплатили больше дочери олигарха! Ну, точнее, заплатил Арсений...

– Ты обнаружил свой «важный момент»? – поинтересовался я у него, когда мы двинулись дальше по улице. – Или тебя просто новая коллекция интересовала? И куда мне теперь это белье девать?

– Белье жене. – Строганов выглядел подозрительно радостным. – Я бы взял его для себя, но... Слушай, а ты что, *ничего не заметил*?

– Э-э... Оно очень дорогое. – Я развел руки в стороны и задел прохожего.

– Что? Да я не про то. Смотри! Из магазина открывается вид на ресторан, вон, напротив нас. – И он указал пальцем на какое-то заведение на первом этаже в доме через улицу. – Видишь? Маргарита стояла и рассматривала именно его!

– Ну и? – я уворачивался от людей, спешащих и идущих прямо на нас, поскольку мы встали посреди улицы. Арсений же был как скала: стоял, расставив ноги и уперев руки в бока.

– Надо срочно туда зайти! Вперед!

Я припустил за ним.

* * *

– Вот здесь она переходила улицу, смотри! – Арсений молча изображал, как Маргарита стояла перед переходом, ожидая зеленый свет светофора, как у нее украли кошелек из сумки и как на нее смотрел некий Владимир, живший в квартире с исчезнувшей комнатой. Людей вокруг было достаточно, и многие исподлобья взирали на строгановские пантомимы. Я вдруг вспомнил Нерона, который тоже любил выступить на сцене, и это не нравилось его подданным.

Наконец, мы перешли на другую сторону улицы. Я шел и представлял, как месяц назад по этому же самому тротуару проходила Маргарита. Где-то здесь она и пропала... Дома здесь стояли вплотную друг к другу, и все казалось мне подозрительным и зловещим: темная подворотня, закрытая воротами, крашеные железные двери парадных с домофонами, продуктовый магазин под названием «Технолог», расположенный в подвале, и неприятные личности, стоявшие у входа в него...

Строганов направился напрямик к ресторану под названием «Мост Ватерлоо», с обычной своей уверенностью потянул на себя стильную, привезенную, наверно, из Нидерландов дверь, но, увы, она оказалась закрытой.

– Странно, – пробормотал он и полез смотреть в окно. Последнее было приоткрыто, но занавешено гардиной. Строганов встал ногой на каменную чашу с растущими в ней цветами, руками схватился за подоконник и, подтянувшись, заглянул в окно.

– А там сидят и едят! – крикнул он мне сверху, после чего спрыгнул на землю.

Дверь раскрылась, и на улицу вышел, вероятно, охранник.

– В чем дело? – неприветливо, но и не агрессивно поинтересовался он у нас.

– Мы бы хотели перекусить, – как ни в чем не бывало сообщил Арсений. – А у вас закрыто...

– Вы бронировали столик? – спокойно спросил он.

– Нет, но можем сейчас забронировать. – Арсений подошел к нему, и я тоже.

– Сейчас все занято, – помотал тот головой. – И вообще это закрытое заведение, только по предварительной договоренности.

– Так давайте договоримся! – предложил Арсений, но охранник уже заходил внутрь. – А у вас видеокамеры пишущие? – крикнул Строганов напоследок. И тот, уже в дверях, слегка удивленно посмотрев на висевшую над входом видеокамеру, ответил:

– Вроде нет.

И был таков.

Глава 7

Если бы нас со Строгановым сейчас снимали уличные камеры, то получился бы целый фильм из хаотичных передвижений вокруг одного уличного перекрестка. Строганов каждые три минуты интересовался, сколько сейчас времени, и тащил меня то на одну сторону улицы, то на другую. В итоге, когда голова моя уже шла кругом, он вдруг остановился и, указав мне на какого-то прохожего, крикнул в ухо:

– Вот он! За ним!

Мы пошли за мужчиной плотного телосложения, одетого в рубашку с короткими рукавами и темные брюки, с барсеткой в мускулистых руках, шедшего быстрой и уверенной походкой человека... Так это же... Меня вдруг осенило!

– Он! – подтвердил Арсений. – Наш Вова. Он, как часы: с работы – домой. И наоборот. Это я из материалов узнал. За ним!

Мы стояли перед домом, в котором жил тот самый тип, который рассматривал Маргариту перед тем, как она бесследно исчезла. Я слабо верил в то, что он как-то к этому причастен, поскольку ни обыск в его квартире, ни его допросы, ни изучение его частной жизни ни к чему не привели. И даже если вдруг у него в квартире спрятана еще одна комната... Ну, не мог же он в ней держать девушку? Отпечатки пальцев, следы пребывания, посторонние звуки – что-нибудь да обнаружили бы! К тому же Арсений рассказал, что допрашивали этого Вову с пристрастием, но он ни в чем не сознался.

Итак, шестиэтажный, с красивым фасадом дом постройки конца XIX века, с барельефами на стенах даже со стороны двора, был отреставрирован, отмыт и сверкал, словно только построенный. Населяли его большей частью люди небедные, судя по всему. Парадная, где жил наш подозреваемый, была во дворе. Двойные деревянные двери со вставными матовыми стеклами были, разумеется, закрыты, а внутри сидела консьержка. Так мне сказал Арсений.

– А камеры над дверью? – поинтересовался я у него.

– А они просто выведены на монитор у консьержки в будке, – пояснил он. – То есть она видит всех входящих как в парадную, так и на черную лестницу, – и он ткнул указательным пальцем в неприметную дверь в углу двора. – Их тоже допрашивали, но никакой информации не получили...

– Кого?

– Дай-ка мне твой телефон, – не обратив внимания на мой вопрос, сказал Строганов. Получив желаемое, он позвонил моему другу Андрею: – Привет! Мы на месте, а ты?... Тогда я вызываю! О'кей! Спасибо!

Вернув мне мой телефон, он достал из кармана еще один телефон и, набрав номер, слегка измененным голосом стал вызывать бригаду «Скорой помощи».

Строганов продиктовал чью-то фамилию, возраст и адрес: дом, около которого мы стояли, и номер квартиры, правда, не той, где жил подозреваемый, но расположенной на этой же лестнице. Затем он профессионально сообщил симптомы инфаркта миокарда. И поблагодарив, убрал телефон обратно в карман, предварительно отключив его.

– Э-э, – начал я немного озадаченно, – я не совсем понял почему...

– Почему инфаркт? – перебил меня этот тип. – Мне так Андрей сказал. Сейчас, кстати, посмотрим, сколько они ехать будут!

– Так, а... – протянул я.

– А он должен быть уже дома, – снова перебил он меня. – Мы проникнем на лестницу вместе со «Скорой помощью» и пойдем штурмовать нехорошую квартирку.

– Чего же ты пожарную не вызвал? – язвительно сказал я Строганову минут через пять, когда, наконец, раскусил его план.

– А у тебя есть друзья среди пожарных? – заинтересовался он.

– А у тебя есть соображение? – разозлился я. – Ты не думаешь, что кто-то действительно ждет «Скорую», а машина поехала на ложный вызов?

– Не волнуйся, вся логистика продумана! А, вот и они, быстро!

Во двор въезжала с сиреной карета «Скорой помощи». Мгновение – и доктор Стахеев звонил в дверь парадной. Видимо, консьержка не заподозрила подвоха и открыла дверь. Мы со Строгановым, прятаясь от глазка камеры за машиной, ринулись вслед за одетым в синий фирменный комбинезон доктором. Дальше, как и предсказывал Строганов, Андрей быстро выяснил у сидевшей в стеклянной будке женщины, что вызова с этого адреса не было, и уехал, а мы проскользнули по лестнице наверх.

Дверь в «нехорошую квартирку», как выразился Арсений, выглядела неприступной.

– И? – спросил я его. – У тебя, конечно, есть план штурма? Будешь МЧС вызывать?

– Попрошу перчатки! – криво улыбнулся этот детектив. – Ты должен был взять две пары.

Я протянул пару медицинских перчаток ему, а другую пару привычным движением натянул себе на руки.

– Делаем все быстро и по команде. Готов? – На лице Арсения не было ни тени страха, только предвкушение радости от того, что нам предстояло. Словно в кино собрался!

Я молча кивнул в ответ. Сердце мое стучало, выбивая пулеметный ритм, и слова застряли где-то внутри. Запоздалую мысль «зачем я согласился?» вытеснило страшное слово «поздно»!

– Давай, – негромко приказал Арсений. – Говори соответствующую цитату!

– Д-да мне что-то в голову ничего не лезет, – заикаясь, произнес я в ответ. Я не врал, мне было совсем не до философских размышлений.

– Доктор, – с угрозой сказал этот супостат, – времени совсем нет! Десять секунд на то, чтобы вспомнить! Девять...

Я судорожно вдохнул в себя воздух, постарался медленно выдохнуть и на последней секунде выдал:

– Необходимость ломает все законы! Фу... – с меня тек пот.

– Отлично! – похвалил меня этот доморощенный психолог, но напряжение мое вдруг спало. – Действуем следующим образом (он вдавил кнопку звонка и не отпустил): мы представимся соседями снизу и скажем, что он нас затопил, потом попросим, чтобы показал свою квартиру, чтобы убедиться, что у него все сухо...

Арсений продолжал трезвонить, а из-за двери стали слышны вполне объяснимые крики хозяина квартиры. Арсений, не отрывая пальца левой руки от кнопки, еще и саданул по двери ногой. В правой руке он держал странноватого вида фонарь. Вероятно, терпение хозяина закончилось, и он выскочил на лестничную площадку, широко распахнув дверь. Всклокоченные волосы, багрового цвета лицо, глаза, которые и так были слегка навывкате, почти выскочили из орбит. Он напоминал разозленную осу. Впрочем, его возмущение было мне понятно.

– Что за... – обрызгал он меня слюной, потому что Арсения не сразу заметил из-за приоткрытой двери.

– Ты Аристотеля не читал? – Арсений, наконец, отпустил кнопку звонка и, не давая возможности ему ответить, быстро поднял руку с фонарем...

Я успел зажмурить глаза, но все равно ощутил мощнейшую вспышку светового шокера. Мне уже как-то довелось видеть это оружие в действии, поэтому я не удивился, услышав грохот рухнувшего стокилограммового тела.

– Доктор! – тихо, но эмоционально произнес Строганов. – Ты так и будешь здесь стоять с закрытыми глазами? Я один его потащу, что ли?

Мы с трудом заволокли тело хозяина в его собственную квартиру, и Арсений сразу же закрыл дверь изнутри. Затем он извлек пару веревок, которыми подпоясывал свои джинсы и кинул одну мне.

– Подержи!

Он был словно паук на гигантской мухе. Примотал лежащему ноги к рукам, а потом из второй веревки сделал петлю и накинул ему на шею, вторым концом привязав к ногам. Таким образом, плененный, если бы пытался развязаться или хотя бы просто пошевелиться, душил бы сам себя.

Эх, если злые поступки совершаются по доброй воле...

– Только попробуй что-нибудь сказать! – произнес Строганов, и я не понял, кому он это говорил, мне или связанному. – Скотч!

И рот приходившего в сознание пленника был намертво замотан клейкой лентой.

Я перевел дыхание. Хозяин квартиры, вероятно, кипел от злости, но выхода его эмоциям не было, поэтому лицо его вначале побагровело, а затем стало сине-фиолетовое, тем более что веревка врезалась ему в шею. Глаза его налились кровью. Если бы не заклеенный рот, то комната огласилась бы ревом раненого быка, на которого он и был похож. Здоровенный, мускулистый, без признаков страха и явно не готовый к диалогу.

Мы осмотрелись: гостиная, в которой мы расположились, была обставлена современной мебелью, со вкусом, здесь царил абсолютный порядок и идеальная чистота. Работал телевизор, шли предвыборные дебаты. Тщательно отобранные кандидаты вяло рассказывали сказки про светлое будущее. Но связанный пленник умудрялся мычать сквозь заклеенный рот так, что заглушал голоса претендентов на место президента.

– Тэк-с, уважаемый Владимир, – начал Арсений, – у нас времени немного, поэтому я сразу перейду к делу, если вы не против... где она? – И он поднес к глазам допрашиваемого фотографию Маргариты Сердюковой.

Владимир на мгновение замолчал, уставившись на фото, но потом замычал с утроенной энергией, мотая при этом головой и синея от петли на шее. Судя по всему, он разозлился еще больше, видимо, следователи его уже об этом спрашивали, и он уже отвечал, и вот опять...

Арсений не стал долго возиться с ним, убрал портрет и не спеша пошел к выходу из комнаты. Я за ним.

– Значит, по плану еще одна комната должна быть здесь... – вслух раздумывал Строганов.

Мы стояли в нешироком коридоре. Вдоль стены здесь расположился шкаф-купе. Совершенно неглубокий. Арсений открыл его. На металлической штанге висело несколько пиджаков на вешалках. Раздвинув их в стороны, Арсений ткнул пальцем в пол:

– Смотри, как интересно! – сообщил он мне. – Здесь должна быть полка, а ее нет.

– Обувь стоит прямо на полу, – ответил я, подозревая, что Арсений все-таки ошибся и в квартире только две комнаты.

– Я вижу! – Он медленно перевел на меня взгляд. – Но сколько пустого пространства пропадает! Зачем? – и, не давая мне ответить, сказал: – Затем, чтобы можно было встать сюда ногами!

И он встал прямо на дорогие замшевые ботинки, стоявшие на полу.

Затем Арсений стал постукивать заднюю панель шкафа. Раздавался вполне одинаковый деревянный звук.

– Думаешь, там, за шкафом, комната? – Сомнения мои становились все больше и сильнее. Я был почти уверен, что мы зря напали на этого несчастного мужика.

– Я не думаю, я уверен, – задумчиво ответил Арсений, продолжая постукивать по фанере. Вдруг он резко ударил кулаком в середину стенки, отчего она совершенно неожиданно для меня отъехала в сторону, открыв за собой массивную железную дверь.

– Ну что, папа Карло, золотой ключик наш? – усмехнулся он и, чуть склонившись, стал рассматривать замочную скважину. Ручек на двери не было, вероятно, открывалась она с помощью ключа.

Признаюсь, я был поражен! Дверь в тайную комнату, спрятанная настолько хорошо, что никто не сумел ее найти! Строганов – гений! Вихрь мыслей пронесся в моей голове и даже такая, что мы сейчас обнаружим за этой дверью пропавшую девушку... Пока я стоял перед закрытой дверью, Строганов вернулся с ключами. Я тут же захотел узнать, где он их обнаружил, но он, предвзяв мои вопросы, бросил:

– Потом, потом! Лучше посвети мне!

Я включил телефонный фонарик, и Арсений, выбрав из четырех ключей нужный, с первой попытки открыл замок.

– Потрясающе! – воскликнул я.

Строганов осторожно толкнул дверь, и она беззвучно поддалась. Мы вошли в какое-то небольшое помещение и тут же вздрогнули от неожиданности: в нем загорелся свет. Помещение было небольшое и, по меньшей мере, странное. Понять его предназначение было поначалу непросто. Во-первых, из него также куда-то вела дверь. Тоже без ручки, массивная, звуконепроницаемая и с замочной скважиной, но другого типа. Рядом стояло кресло. Вполне обыкновенное, кожаное, с высокой спинкой. Перед креслом стоял небольшой стол, над которым висел плоский телевизор, значительно превышающий размеры стола. А на столе стоял микрофон и какой-то пульт с несколькими кнопками. Справа от стола, уж совсем некстати, притулилась душевая кабинка с полупрозрачными стенками.

Я изумленно посмотрел на Арсения: может быть, он что-нибудь понимал? И увидел на его лице интерес к окружающим предметам, но без признаков удивления...

– Он что, в космонавтов здесь играет? – спросил я у Арсения, даже не надеясь на ответ.

– Возможны варианты, – туманно сказал он и схватил пульт. Не озадачиваясь размышлениями, Строганов стал нажимать на все кнопки подряд, и, видно, одна из них включила изображение в телевизоре.

– О! – обрадовался он. – У тебя программки нет? Где здесь Дисней-канал? Или «Дважды два»?

На экране появилась комната с кроватью, на которой лежала девушка. Она была укрыта простыней и, наверно, спала. Мы со Строгановым уставились в телевизор. Я решил, что это какое-нибудь очередное шоу, типа «За стеклом» или «Дом 2» и так далее.

– Пощелкай, – предложил я Арсению.

– Ха, – усмехнулся он, – боюсь, что здесь только один канал, и мы его смотрим!

Он вручил мне пульт и стал подбирать ключ к следующей двери. И опять с первой же попытки беззвучно открыл ее.

– Папа, я в телевизоре, – бросил он мне непонятную фразу и вошел в соседнюю комнату. Я уже собирался последовать за Арсением, но, бросив взгляд на экран, я раскрыл рот от удивления: рядом со спящей девушкой неожиданно появился Строганов, собственной персоной! Затем он повернулся и исчез с экрана, но появился из-за двери. Тихонько прикрыл ее и аккуратно запер ключом. А девушка на экране проснулась и стала озираться. Поняв, что никого нет, она замоталась в простыню, встала и подошла к маленькому столику, на котором стояла бутылка воды. Налив в стакан, она некоторое время рассматривала ее на свет, но потом все-таки выпила.

Комната, изображение которой мы видели на экране, была небольшая, метров десять-двенадцать. Кроме кровати, там был столик, кресло, на стене висела полка с книгами, а в противоположном углу стояло что-то вроде биотуалета. Окно в ней отсутствовало.

– Вот урод! – в сердцах сказал Арсений, качая головой.

– То есть, он держит ее как в тюрьме, подсматривает за ней, потом здесь душ принимает... – Омерзительная картина промелькнула в моем воображении. Кажется, Арсений оказался прав, этот тип был маньяком. Бедная девица! – Надо ее освободить? – спросил я у Строганова и собрался открыть дверь.

– Нет, – тут же отреагировал Арсений. Он сел в кресло, нахмурился и забарабанил пальцами по столу; судя по ритму, это был рэп. Перчатки, кстати, мы так и не снимали.

– Почему? – удивился я. – Она же...

– Это не она! – Он перестал выстукивать ритм рэпа и перешел к азбуке Морзе «SOS». – Мы ошиблись. Это какая-то другая девчонка. Придется менять план действий.

– Так, а... – я не мог понять, почему он медлит, нужно было срочно спасти эту несчастную!

– Помолчи!

Он еще немного постучал пальцами, а затем вскочил и рысцой бросился в комнату, где лежал хозяин-маньяк.

Я не решился послушаться гениального сыщика, пусть и изредка ошибающегося, и не стал открывать дверь для пленницы. Пожалуй, он прав – девица наверняка в жутком психологическом состоянии, и ей нужна профессиональная помощь, а не мои сочувствия и тем более советы Арсения. Совсем скоро ее освободят, через полчаса – час, это уже не так важно, а сейчас важнее допросить этого маньяка, пока не приехала полиция... «Стоп! – подумал я, – а ведь если мы сейчас позвоним в полицию и расскажем про преступника, то...» Воображение мне тут же нарисовало картинку, где нас загребают в отделение как соучастников! Что мы сможем ответить на вопрос, как мы здесь оказались? Ворвались в квартиру без санкций, нарушив тем самым закон, связав человека, и так далее... Я стал торопливо выбираться из тайной комнаты, споткнувшись, чуть не загремел в коридоре и затем с грохотом ввалился в гостиную.

Глава 8

В комнате играла музыка – это Арсений нашел музыкальный канал в телевизоре маньяка Владимира. Nirvana «Rape me»...

Строганов слушал песню, качал в такт ногой и разглядывал лежащего на полу связанного человека. Тот впился взглядом в Арсения – такое чувство, что он запоминал каждую черточку его лица. Я бы на месте Арсения испугался.

– О! – не поворачивая головы, сказал мне Строганов. – А я хороший музыкальный канал нашел по телику! – И тут же: – Помнишь, у Ахиллеса было слабое место?

Я усмехнулся. Скорее всего, Строганов почерпнул эту информацию у Акунина, а не из «Мифов Древней Греции!»

– У этого типа тоже есть слабое место, даже два... – неторопливо продолжил Арсений, кивая в такт песни и смотря «этому типу» в глаза. А связанный, извините за банальность, словно поедал своего собеседника недобрым взглядом. Его глаза навывкате, покрасневшие от натуги и злобы, казались сделанными из стекла: пустые, никаких человеческих чувств не выражавшие. Номо Faber, изначально созданный с дефектом...

– О, «Skillet»! То, что надо! – вдруг воскликнул Строганов, услышав по телевизору первые аккорды новой песни. Он вскочил и навис над лежащим на полу. – Итак! Два слабых места нашего дорогого друга! Что он любит? Подсматривать! Видел, как там все предусмотрено? Вэб-камера в камере, где сидит пленница. Микрофон, чтобы можно было общаться через стену. Даже душ есть! Наш Вова – большой чистюля! Девушка должна быть чистой, да и сам он может здесь душик принять! Кстати, – Строганов обернулся ко мне лицом, – а знаешь, почему душ не в самой камере?

– Э-э... – Я пожал плечами.

– Да потому, что наш Вова строитель! Хороший строитель! Правильный и аккуратный! Второй санузел! Он не стал переносить фанину и стояк, ведь они находятся там по кадастровому плану! Все идет по плану! Эх, если бы все такие правильные были у нас! – театрально вздохнул Строганов. И даже похлопал ладонью ему по плечу. – Но! Как поет эта замечательная группа, у всех нас есть внутри монстр! Да, Вова?

Тот никак не отреагировал.

А я вдруг подумал про монстров, которые могут быть внутри Арсения... Игра ли это или театр одного актера, но какая-то маниакальность в нем ощущалась, и не только сейчас.

– А вот второе слабое место нашего героя! – так же театрально продолжал Строганов, дирижуя руками под музыку и в конце очередного такта ткнув указательным пальцем на промежность молча лежащего маньяка. – Итак, если мы лишим его слабых мест, то, вероятно, излечим от внутренних монстров. Как думаешь? И мне сейчас нужна будет твоя помощь.

Я понимал, что Арсений берет на понт нашего пленника, поэтому легкомысленно согласился.

– Отлично! – Арсений кровожадно улыбался и своими вычурными движениями напоминал танцующего каннибала. – Я нашел тут скрепку, что очень кстати для нас. Смотри, – обратился он ко мне, распрямляя железную скрепку и доставая из кармана зажигалку, – я сейчас нагрею ее, вот так... ты придержишь ему голову, чтобы операция прошла аккуратно... а я делаю два коротких движения... вот так... и глаз нет...

Меня, конечно, корбило от его методов воздействия, но я понимал, что это всего-навсего бутафория, театр. Однако этого нельзя было сказать о жертве коварного Строганова: Вова напрягся и ждал продолжения, ведь Арсений говорил о двух слабых местах.

– Дальше, – наслаждался своей ролью ненормального Строганов, – знаешь, как в наших деревнях раньше котов кастрировали? Способ простой, недорогой и эффективный. У меня

как раз завалилась в кармане леска. Догадываешься? Затыгивают потуже узелок, а через пару дней все отваливается... Та-а-к... – протянул он зловеще. – С чего же мы начнем? Сверху или снизу? Вы как предпочитаете? – обратился он к своей жертве.

Но тот оцепенел, а затем стал мычать – то ли угрожающе, то ли испуганно. Агрессия и страх всегда связаны между собой, а жестокость проистекает из бессердечия и слабости. Я хотел эту мысль древнеримского философа озвучить Арсению, но не успел. Тот был занят психологическим воздействием на преступника.

– Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана... – Арсений, словно герой ужастика, с помощью считалочки выбирал одно из слабых мест маньяка, а тот следил за неторопливыми движениями его указательного пальца. – Буду резать, буду бить... все... равно... тебе... водить!

Его палец остановился недалеко от лица связанного маньяка и застыл.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Строганов. – Начнем с глаз. Подержи ему голову, а я разогрею железку.

И он демонстративно откинул пальцем крышку своей зажигалки, чиркнул колесиком и в возникшем пламени стал неторопливо раскалять кончик скрепки. Связанный перестал мычать и почти не дышал. Взгляд его был прикован к рукам своего палача. Кажется, ему стало страшно.

– Ты что-то сказал? – вдруг обратился к нему Арсений.

Тот лишь чуть мотнул головой.

– Тогда продолжим?

Тот интенсивно замотал головой и что-то замычал.

– Тогда последнее слово подсудимого! – театрально возвестил Арсений и одним движением сорвал с его лица скотч. Вова даже не поморщился.

– Я не виноват! Что вам от меня надо? – хрипло прокричал хозяин квартиры. – Я же уже сто раз говорил, что пальцем не тронул эту вашу девку! Ну, видел ее один раз! На улице! И все! Я даже не знаю, кто она такая! Вы же мне поверили в прошлый раз!?! Что вы еще от меня хотите?

– Информацию, – коротко ответил Строганов, внимательно глядя на маньяка. – Нам нужно ее найти!

– Но я совсем без понятия, где она и как вам... – он замолчал, потому что его вдруг мелко затрясло, и я даже подумал, не хватил бы его инфаркт от переживаний. Как доктор я должен был прекратить этот допрос, но, собственно, Строганов уже узнал все, что хотел, точнее, все, что было можно узнать в данной ситуации, и сидел молча, глядя в окно, в котором появилось вечернее солнце.

С одной стороны, он ошибся, и этот Вова попал в круг подозреваемых чисто случайно. И пострадал случайно. Засмотрелся не на ту девушку и не в том месте. С другой – благодаря неправильным выводам Строганова мы сумеем спасти другую девушку, заточенную в соседней комнате. Как говорил наш друг Джон Гартнер – это Провидение или Божий «промысл».

– Так, пора действовать! – Строганов вскочил со стула и, поискав глазами вокруг, обнаружил телефон хозяина квартиры. – Можно я с вашего телефона позвоню? – задал он риторический вопрос и, не дожидаясь разрешения, стал кому-то названивать.

Мне эта идея показалась странной, – зачем кому-то звонить с телефона преступника? Однако все выяснилось с первых секунд разговора.

– Алло! Полиция? Да... Я тут такое обнаружил... Адрес? – И он назвал адрес, по которому мы сейчас находились. Говорил он при этом немного измененным голосом, изображая манеру человека простоватого, недалекого. – Я говорю... зашел к соседу, а тут такое! Он маньяк, над женщиной издевается... изнасиловал! Приезжайте быстрее...

Тут Строганов был вынужден замолчать, поскольку заорал сам Вова, как говорится, благим матом. Но Строганову это и было нужно, – он поднес трубку поближе к орущему и дал послушать дежурному полицейскому.

– Да, – продолжил Арсений свое общение с представителями правопорядка. – Это он орет! Я его связал, чтоб он не убежал, пока вы там соберетесь... да, я же говорю... ну и хорошо, что разговор записывается, теперь вам точно сюда ехать надо, – усмехнулся он. – И пришлите здоровых мужиков! Он кабан редкостный! Да... это вам не митинги разгонять! Чего? А... ну, Дмитрий Медведев меня зовут, я сосед... жду! Давайте!

И он снова подставил телефон поближе к связанному маньяку: тот продолжал орать, на этот раз угрозы – и Строганову, и мне, и вообще всем вокруг.

* * *

Мы взлетели по лестнице до самого верха.

– Они сейчас будут здесь, – чуть запыхавшись, сообщил мне Арсений, – но нужно посмотреть...

Он не договорил, что именно он хотел посмотреть, вероятно, как будут арестовывать насильника. Мне же было важно, чтобы они не забыли про несчастную жертву, которая была заперта, словно в тюремной камере, в этой третьей комнате. Дверь, ведущую из шкафа, мы оставили открытой.

Арсений тем временем осматривал врезной замок в двери, ведущей на чердак. Используя две блестящие металлические отмычки, он довольно быстро открыл его. И вовремя, потому что мы, вылезая на чердак, уже слышали вой сирен.

Мы прошли через все чердачное помещение и оказались на противоположной лестнице. Нам повезло – там выход с чердака на лестницу оказался открытым. Из небольшого овального окошка нам был виден весь двор и две полицейские машины, около которых дежурил вооруженный коротким автоматом полицейский.

Ждать нам, однако, пришлось довольно долго: приезжала «Скорая», забравшая несчастную девицу, затем во двор въехала машина с тонированными стеклами, из которой вышли трое похожих друг на друга мужчин в костюмах. Они выслушали короткий доклад полицейского и потом пошли за ним в парадную, где жил маньяк. Потом приехал микроавтобус, из которого вышли еще три человека с чемоданами и последовали туда же, – словом, все было как в кино-сериале. Все это время около клумбы стоял мужчина и курил, с интересом наблюдая за происходящим. Поистине, больше всего люди интересуются тем, что их не касается!

Я хотел было пошутить над Арсением, что сейчас будут разыскивать Дмитрия Медведева – соседа, который их вызвал, но не рискнул, ибо Строганов имел вид слишком уж недовольный и злой. По-видимому, он был недоволен результатами нашей экспедиции, – пропавшую Маргариту-то мы не нашли! И зол на маньяка Вову, – не оправдал возложенных на него надежд...

Глава 9

Солнце скрывалось, скатываясь за крыши домов и освещая последними лучами кухню Арсения, где мы с ним сидели и пили чай. Было около десяти вечера. Еды у него дома не оказалось, и на мой вопрос, питается ли он вообще, Арсений выдал мне фразу:

– Избыток пищи мешает тонкости ума!

Я был поражен его осведомленностью, поскольку вряд ли письма Сенеки к Луцилию фигурировали в компьютерных играх.

Незадолго до этого, пока мы ждали, когда закипит чайник, мы слегка поспорили. Я утверждал, что нельзя опускаться до уровня маньяка, которого мы обезвредили. И что я, конечно, понимаю, что все его, Строганова, устрашения – выколоть глаза, кастрировать и так далее – были не более чем пустые угрозы, но...

– Это были реальные угрозы! – перебил он меня. – И он их почувствовал! Если бы *ты* его допрашивал...

– Что толку от *твоего* допроса? – в свою очередь, перебил я его. – Что ты узнал от него, чего мы и так не знали? Хотя пленницу мы нашли... ну, то есть ты нашел... – скромно поправился я.

– Толку? – удивленно уставился он на меня. – Я узнал, что он, черт его дери, не имеет отношения к похищению Маргариты! И это плохо.

– Я не об этом, – вздохнул я. – Я о методах, которые ты используешь. Цель не всегда оправдывает средства, понимаешь?

– Нет, – искренне ответил он. – Я считаю, что если мы будем щадить преступников, то тем самым навредим честным и добрым людям. Зло нужно подавлять в зародыше. Считаешь, что я не прав?

Я не ответил, решив, что спорить с ним бесполезно. Но Строганова не устраивало, что я так легко сдался.

– Если тебе интересно мое мнение и даже если не интересно, то я считаю, – продолжил он, снимая чайник с плиты, – что если у тебя была возможность предупредить преступление, а ты этого не сделал, то это значит, что ты способствовал ему!

– Извечный вопрос: можно ли подкидывать кошелек в карман Кирпичу?

Я знал, что любопытный Строганов клюнет на приманку, и не ошибся.

– Кошелек, карман, кирпич, – негромко повторил он.

Я тут же решил сменить тему и ткнул пальцем в его левое плечо, на котором красовался небольшой крест, словно составленный из треугольников.

– О! У тебя новая татуировка? Ты крестоносцем стал?

Арсений гордо посмотрел на меня, затем похлопал сам себя по плечу с изображением странного креста и заявил:

– Сбылась детская мечта, я стал рыцарем! – и стал разливать чай по чашкам. Движения его были настолько резкие, что кипятик выплескивался на стол.

– Лучше бы ты стал аккуратным, – вздохнул я и потянулся за салфетками. – Слушай, детектив-рыцарь, ты говорил, что у тебя еще куча версий, может, озвучишь хотя бы несколько?

– Зачем? – спросил он. – Кстати, одна из них – твоя.

– Про инопланетян? – Я тяжело вздохнул.

– Ну да! – подтвердил он без тени иронии. – И вообще, какой смысл обсуждать уже неактуальные версии, когда есть моя гениальная догадка?

– Одну твою гениальную догадку мы уже проверили, – улыбнулся я. – Она оказалась верной, но только наполовину. Я про маньяка. И хотя нашим поискам это никак не поможет, мы сделали доброе дело...

– Что значит не поможет? – востроенулся Строганов, – да моя суперидея появилась только благодаря моей версии про маньяка!

– Э-э, боюсь, что я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду... – озадаченно начал я.

– Я и говорю про то, что у всех на виду! – воскликнул он что-то маловразумительное и затем медленно, делая паузы между словами, произнес: – Мы взглянули на мир глазами Маргариты. На то, что она видела в свои последние минуты перед исчезновением. И если бы не моя версия про маньяка...

– А что она видела перед исчезновением? – заинтересовался я.

– А что я видел из окна магазина нижнего белья? – раздраженно, вопросом на вопрос, ответил Арсений.

– А, ресторан? – догадался я.

– Ну не распродажные же трусы? Конечно, ресторан! – Строганов подскочил, словно его ужалили в одно место. – В котором она с кем-то должна была встретиться... ну, или *около которого* она с кем-то встретила.

– Это просто твое умозаключение, – осторожно вставил я, имея в виду, что доказательств у него нет.

– Разумеется, мое! На сегодняшний день никто, кроме меня, не сообразил... – успокоился Арсений и сел обратно в кресло. – Поэтому мы завтра утром, как можно раньше, едем в этот ресторан...

– Боюсь, что он будет еще закрыт, – качая головой, возразил я этому гению. – Рано утром...

– Черт, вот бездельники! – искренне огорчился он, но тут же выдал новую идею: – Тогда мы завтра утром едем к нашему патрону Юрию, этому манерному умнику.

– А почему к нему? – удивился я.

– Ну, во-первых, он наш шеф, которому мы должны докладывать о результатах. – Он вытянул ноги и закинул руки за голову.

– Результатов-то нет. Маньяк же ни при чем, – возразил я ему. – Или ты хочешь рассказать ему о... – я не успел сказать «ресторане».

– Нет, – словно обрубил он. – Не хочу. А отрицательный результат – тоже результат. К тому же мы должны получить от него аванс на текущие расходы.

– А! Ну, теперь понимаю, – улыбнулся я.

– Между прочим, я в магазине тебе трусы за свои деньги покупал! – деликатно напомнил он мне и вдруг снова выпрыгнул из кресла. Не надолго его хватило. – Да черт с ними, трусами и деньгами! Доктор, у меня гениальная догадка, а ты все про деньги! У тебя случаются озарения? – и, не давая мне ответить, заорал: – А я чувствую, что у меня скоро будет озарение! Мы уже близки к нашей цели! Мост Ватерлоо! Это наш следующий путь, наша главная дорога!

У меня, конечно, озарений не бывает, а вот предчувствия случаются. И в этот раз меня терзали смутные сомнения насчет этого ресторана. Конечно, после истории с маньяком я был готов верить каждому его слову. Но! Делать поспешный вывод только на основании мимолетного взгляда Маргариты, брошенного ею при выходе из магазина, было чистой воды фантазированием. И что она или в ресторане, или около него с кем-то встречалась – тоже ничем не подкрепленные фантазии!

А Арсений, видимо, пребывал уже в отличном настроении, поскольку стал распевать во весь голос:

– *Эх, дороги, пыль да туман...* – в стиле рэп пел Арсений, танцуя хип-хоп. – *Холода, тревоги да степной бурьян!*

К счастью, мой телефон стал играть мелодию из «Шерлока Холмса», и я попросил певца замолчать. Звонили с работы, выясняли, где журнал переливаний крови. Оказывается,

я последний им пользовался. Сообщив, что, вероятнее всего, он на своем месте, я обратился к Строганову:

– Скажи, пожалуйста, а кроме мостов и инопланетян, что-то в твоих планах еще есть? Какие-то другие версии? Просто из интереса спрашиваю, беседу поддержать, – как можно серьезнее добавил я.

– Да полно, – отозвался он. – Только зачем? Когда есть реальный след...

– Для книги, которую я напишу, – соврал я.

– А, – понимающе закивал он, – конечно! Например, что она сбежала с возлюбленным. Папаша не давал ей разрешение на брак, она и исчезла...

– Э-э, а что, были какие-то симптомы этой проблемы? – с недоверием спросил я.

– Нет, – покачал головой этот фантазер. – Это была просто красивая версия. Но, увы, она совсем ничем не подкрепляется. А версия была романтической... или романтичной?

– А на самом деле, у нее же был возлюбленный? – спросил я, стараясь подавить в себе растущее раздражение.

– Да, был и есть. – Строганов снова уселся, закинул руки за голову и рассматривал лепнину на потолке. – Живет в Монако, работает там же... его проверяли, он не при делах... – задумчиво закончил он и посмотрел на часы.

– Да, стоило приезжать в Петербург, чтобы сбежать с возлюбленным, живущим в Монако, – усмехнулся я. – Ну а еще какие есть версии?

– У нее есть своя галерея в городе Лондоне, – тут же сообщил этот сочинитель, – она картинами там торгует. Я посмотрел адрес галереи, она на Бермондси-стрит. Доктор, а ты бывал в Лондоне?

– Нет, – ответил я, внимательно слушая Арсения и раздумывая, насколько важный факт он мне сообщал. – А тебе это о чем-то говорит? Ну, что галерея находится именно на этой улице?

– А я был один раз, в юности, – мечтательно вздохнул он. – И знаешь, даже был в музее Гарри Поттера, это полчаса ехать от города... Что ты спросил? А, нет, никакого значения адрес не имеет. Я в том районе тоже бывал, но особенно ничего не запомнил... Она сюда привозит картины, устраивает выставки, продает, короче, на искусстве наваривается.

– Может, там какой-то криминал? – предположил я. – Связанный с картинами... Подделки там, копии, подлинники... я как-то слышал одну историю...

– Да это все ерунда! – оборвал он меня взмахом руки перед моим лицом. – Меня это сейчас абсолютно не волнует!

– «Меня не волнует!» – передразнил я его. Что меня раздражало в Арсении (кроме всего прочего), так это его идефикс, часто бредовые, но в которые он фанатично верил! Версия может быть придумана только им, гением, и никакие другие он рассматривать не будет, особенно мои! Это ли разумный подход? И я не выдержал: – А что тебя волнует, гений? Только ресторан? Мы тут битый час сидим, а ты... одни фантазии! Лондон, Монако, Гарри Поттер...

– Фантазии? – тут же вспыхнул Арсений. – Поттер? Я, в отличие от тебя, все материалы просмотрел, чтобы иметь возможность размышлять и фантазировать! Смотри еще раз! – и он грубо потащил меня в комнату к компьютеру. – Вот Кирочная улица, вот пешеходный переход, где ее еще видно. Она идет по этому переходу и поворачивает налево, но дальше, на той стороне, камер или нет, или они непишущие. Справа камера есть, но девушки на записи нет. Значит, она точно пошла в левую сторону! Но далеко уйти она не могла, потому что уже через шестьдесят пять метров есть видеочамера, на которой никакой Маргариты нет! – Строганов аж покраснел от переполнявших его эмоций. – Значит, сделали следователи вывод, и я с ними согласен, девушка пропала именно на этом участке. Поэтому они проверили все дома и расположенные в них магазины, вот, к примеру, этот, цветочный... А также фирмы, офисы, заведения, в том числе и ресторан «Мост Ватерлоо»...

– Ну и? – вставил я, все еще находясь в раздражении.

– И никаких следов пропавшей девушки не нашли! А также чердаки, подвалы, дворы, лестницы... – перечислял Арсений, загибая пальцы. – Затем они опросили множество свидетелей, которые проходили в этот момент по этому участку улицы, просмотрели данные с видеорегистраторов машин, которые проезжали мимо...

– Да ладно? – возразил я ему и с сомнением поинтересовался: – А как же они их всех нашли?

– Элементарно, Ватсон! – поморщился Арсений. – Телефоны сейчас есть у всех! Просто посмотрели, кто шел в это время в этом месте! Так же и с машинами...

– Ты хочешь сказать, что даже не надо было говорить по телефону, а просто идти? – изумился я.

– Пф! Ты что, с Луны свалился? Большой брат следит за тобой! Если телефон включен, то тебя уже «видно». Они допросили кучу народа! И никто ничего не видел! – выкрикнул он. – На одном видеорегистраторе проезжавшей мимо машины видно, что она идет по пешеходному переходу, но это и все. И только ресторан... – тут он вдруг замолк.

– Ресторан же проверили! – не мог я сдержаться, чтобы не напомнить ему его собственные слова. – И ничего не нашли!

– ...! – высказался он. – Они и квартиру маньяка проверили! И что? Слушай, что Я тебе говорю! Ресторан – это наша золотая жила! Просто всему свое время. Я беру его на себя!

– Ресторан? Что ты к нему привязался? Ты голодный, что ли? – Я попытался шуткой успокоить вспыльчивого друга. Раздражение мое пропало, а Арсений тем временем не на шутку разбушевался.

– Сам ты голодный! – прорычал он, и я на всякий случай отошел от него, ибо Строганов мог из любви к истине и стукнуть. – Она специально зашла в тот магаз, чтобы посмотреть из окна на этот ресторан, где у нее была назначена встреча!

– Ну почему именно встреча? – Я отступил еще на шаг назад.

– Потому что она на часы взглянула! – заорал он на меня. – Для чего на часы смотрят? Погоду, что ли, узнать? Потому, что она приехала чуть раньше и думала, идти или не идти! И рассматривала место встречи! И решила идти!

– А может, она просто взглянула на проезжавшую машину или идущего молодого человека? – С риском для жизни я выдвинул свое предположение.

– Ты еще скажи, что она зашла в этот магазин, потому что у нее трусы дома закончились! – возопил этот мастер дедукции. – Этот «Мост Ватерлоо» будет нашим мостом к разгадке ее исчезновения! – безапелляционно закончил он. – И хватит об этом.

Наступила тишина. Я еще раз прокрутил в уме доводы Арсения: она посмотрела в окно, потом на часы, пошла на противоположную сторону улицы... Может, и правда собиралась с кем-то встретиться... А может, и нет... Какой смысл спорить? Скажу честно, у меня был собственный план поисков пропавшей девушки, и я ждал подходящего момента, чтобы озвучить его Строганову. Меня так раздражало, что он абсолютно не воспринимал никаких моих предложений и идей! Конечно, я не могу претендовать даже на звание обыкновенного детектива, а не то что на лавры гения, но! Но кое в чем, я уверен, разбираюсь лучше даже самого Строганова! И я решил действовать не напролом, а, так сказать, исподволь.

– Хорошо, – обратился я к нему, пытаюсь навести мосты дружбы и взаимопонимания. – Наш следующий путь – это «Мост», пусть так. Но почему ты не рассматриваешь другие пути? Например, больницы?

Строганов недоуменно уставился на меня.

– Она могла попасть в больницу, – пояснил я ему. – Во время следствия изучали людей, поступивших в стационары нашего города?

– Да, – подозрительно прищурившись, кивнул он, – они прошерстили с десятков клиник, несколько медцентров и почему-то только один морг. Я думал, что в городе их гораздо больше. Моргов.

– Морг на Екатерининском проспекте? – уточнил я.

– Как ты догадался? – изумился Арсений. – Я об этом тебе не говорил.

– Это морг судмедэкспертизы, – усмехнувшись, пояснил я. – Людей, умерших на улице или дома, везут именно туда. Ну, еще это, конечно, зависит от причины смерти...

– Смерти. – повторил Арсений и посмотрел на меня с интересом, что ли. – А скажи-ка мне, доктор, почему во время следствия они искали Маргариту в шестнадцати больницах, а я посмотрел в интернете и обнаружил в одном только Петербурге более сотни клиник? Почему они проверили не все? А? Поленились?

– М-м, так они же, вероятно, смотрели только больницы скорой помощи, – пожал я плечами. – Какие там фигурировали?

– Да, там был Институт скорой помощи, – задумчиво кивнул Арсений, – еще твоя больница, Елизаветинская, Александровская, двадцать шестая больница на Костюшко...

– Все правильно! – перебил я его. – Это больницы, которые дежурят круглосуточно и семь дней в неделю. Крупные стационары, куда поступают больные со всего города...

– В интернете я видел клинику МЧС, – возразил Строганов. – Очень крупный стационар, как ты говоришь, но его не проверяли.

– Потому что они не дежурят, – терпеливо разъяснял я ему особенности госпитализации пациентов в нашем городе, – туда с улицы не попадешь, понимаешь? Даже если тебе станет плохо у них во дворе, то тебе вызовут «Скорую помощь» и отправят в дежурную больницу.

– В любую?

– Ну, которая дежурит и к которой ты ближе находишься. Город поделен на районы, и у каждого района есть своя больница. Например, если ты живешь где-нибудь на Московской...

– А с Кировской куда везут? – Арсений не мог долго слушать.

– Скорее всего, к нам.

– Понятно. Я, кстати, так и думал, – заявил он и прикрыл глаза.

– Так вот, – продолжил я свою мысль, – насчет больниц. Они, как ты изволил выразиться, «прошерстили» больницы и морги и никого не нашли. Так? А они искали только Сердюкову Маргариту? Или еще и неизвестную женщину?

Арсений открыл глаза и хмуро посмотрел на меня.

– Ее они не нашли, – наконец сказал он. – И я не понимаю, какое отношение имеет поиск по больницам к моей версии про ресторан?

– Никакого! – честно признался я. – Дело вот в чем. Скорее всего, они искали или «Сердюкову Маргариту Георгиевну, 24 лет», или «неизвестную женщину 20–30 лет, такого-то роста и с такими-то приметам», если она поступила без документов и без сознания. Согласен?

– Нет. – Арсений продолжал хмуриться.

– Ну смотри! – теперь я вскочил и стал ходить по комнате. – Ей стало плохо на улице, у нее с собой документы, ее подбирает «Скорая помощь» и везет в больницу. Таким образом, ее нужно искать как Сердюкову Маргариту, правильно?

Арсений промолчал.

– Далее, – продолжил я, – на нее могли напасть, украсть документы, и она без сознания как «неизвестная» поступает опять-таки в ближайшую больницу. Правильно?

– Ты идешь по следам следователей, – заметил он, теряя интерес. – Ищешь иголку в стого сена.

– Именно! – Я остановился напротив него. – А если они проверили не всех поступивших? Был случай, когда изучили списки всех увезенных «Скорой помощью» за сутки и не нашли пропавшего человека, а он благополучно поступил в больницу с улицы! Понимаешь?

– Ты хочешь сказать, что в больницу может привезти не только «Скорая помощь»? – засомневался он.

– Пф! Конечно! Основную массу пациентов привозит «Скорая», но может человек прийти сам или, скажем, идет кто-нибудь мимо стационара, стало ему плохо, его и принесут с улицы в приемный покой. – И я снова уселся на стул.

– Ну допустим, – нехотя согласился он, – она могла поступить, как ты говоришь, «с улицы», и чтобы ее обнаружить...

– Надо просмотреть журнал поступивших в приемное отделение! – радостно выпалил я свою мысль. В самом деле, я был горд своей идеей, своим вкладом в наше расследование.

– Сидеть и уныло просматривать какие-то журналы, когда у меня такая шикарная версия? – лицо Строганова менялось, можно было подумать, что у него внезапно заболел зуб.

– Ну, я могу... – Я не успел закончить фразу, что готов взять все это на себя, как он меня перебил:

– Отлично! Раз тебе приспичило помирать с тоски, вместо того чтобы разрабатывать мою гениальную задумку... – Арсений недобро посмотрел на меня. – Так вот, ты будешь искать Маргариту по больницам. Но! Критерии поиска должны быть следующие: «Сердюкова Маргарита» – это раз, и «неизвестная женщина любого возраста» – это два...

– Почему любого? Ей же двадцать четыре...

– А помнишь, ты мне рассказывал историю, – тут же перебил он меня, – как привезли парня, и ему поставили ориентировочный возраст 30 лет? А ему оказалось 17! Потому что башка и лицо были расплющены! – И он хлопнул ладонью об ладонь. – И когда его искали, то... – он развел руками.

– Я понял, – кивнул я, моргнув от громкого хлопка. – Ты хочешь сказать, что нельзя так сужать возраст, если искать как «неизвестную». Но ты знаешь, сколько неизвестных женщин *любого возраста* поступает в больницы многомиллионного города? А если неизвестной женщине сто лет, она заблудилась, ее привезли в больницу, ее тоже ехать смотреть?

– А знаешь, сколько миллионов у папы Маргариты? – опять вопросом на вопрос ответил Строганов. – И знаешь, сколько он готов отдать за свою дочь? Доктор! Ты все средства используешь для лечения тяжелобольного? А? И здесь не скупись! Поэтому все неизвестные женщины минимум до пятидесяти лет – это два!

– Еще и три будет? – усмехнулся я. Инициатива, как известно, наказуема исполнением. А уж если я не хочу следовать плану моего гениального друга или еще и свои идеи предлагаю, то этот друг превращается в бога мести Зернебока или обычную фурию. Мне вспомнился дневник Сердюкова, который пришлось читать по приказу Арсения.

– Да, – мстительно (как мне показалось) кивнул он, – три. Допустим, ей дали по черепу...

– Называется черепно-мозговая травма, – напомнил я.

– Да, и по мозгу тоже, – легко согласился Арсений. – Она потеряла память и могла поступить в больницу под чужим именем. Поэтому нужно будет искать не только Сердюкову Маргариту, не только неизвестную, но и проверить всех *известных* женщин, поступивших в больницы в этот день и...

– Как это – всех? – Я не поверил своим ушам.

– ...и во все последующие, – закончил этот Зернебок.

– Но это невозможно! – воскликнул я.

– Почему? – вкрадчиво спросил он.

– Да потому что их сотни, тысячи! И никакие миллионы не помогут мне...

– Доктор! – обратился он ко мне и выставил вперед свою ладонь. – Спокойно. Мой папа говорит в таких случаях: «дыши глубже».

– Я и смотрю, что ты все время вздыхаешь. – Я неожиданно для себя сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Помогло! Даже желание спорить пропало.

– Вот и отлично! – обрадовался этот психофизиолог и неожиданно добавил: – А также надо проследить судьбы этих женщин!

– В смысле? – не понял я. – Какие судьбы? Каких женщин?

– Ну, из приемного отделения куда они деваются? Домой уходят? Или на другие отделения? Или в другие больницы? Тебе придется проверить их всех! Можно пока ограничиться женщинами, – с саркастической улыбкой добавил он, – потому что в случае неудачи ты возьмешься за мужчин!

– Строганов! Прекрати паранойю! – Я решил, что хватит с меня издевательств и что я сам сумею разобраться в этом задании.

– Короче, доктор, – внезапно заговорил Строганов обычным тоном, – на сегодня хватит расследований, через пятнадцать минут будут показывать «Gravity Falls», новый сезон. Ты есть очень хочешь?

Я объяснил, что это не важно, поскольку собираюсь уходить домой. Арсений попытался оставить меня ночевать, но никакие его уговоры не изменили моего решения, и я отправился в путь-дорогу.

– Слушай, – уже на выходе обратился я к нему, – у меня все этот маньяк Вова из головы не идет. Как думаешь, его посадят?

– Ну, наверно. Вряд ли ему дадут звание почетного гражданина Санкт-Петербурга, – усмехнулся Строганов, поглядывая на часы: время показа приближалось.

Я попрощался и пошел домой.

Глава 10

Чтобы восстановить душевный покой, я пошел пешком. Встреча с маньяком, пусть и закончившаяся благополучно, оставила после себя тяжелый след, а общение со Строгановым добавило усталости и раздражения... Я решил последовать совету папы Арсения и стал «дышать глубже». Как ни странно, снова помогло.

- «Когда прозрачно и светло Ночное небо над Невою...», – бормотал я, идя вдоль Александровского парка по трамвайным путям. С Петропавловского собора доносился бой часов. Машин проезжало мало, а трамваев совсем не было. Адмиралтейскую иглу отсюда было не видно, но ангела на шпиле Петропавловки я разглядел.

В парке было полно гуляющих, из кафе доносилась музыка, появлялись уличные музыканты, на площади перед театром фэйершники жонглировали огнем. Словом, наступала обычная праздничная ночь среди будних дней, а я не мог разделить общего веселья.

Одиноким трубач на боковой аллее играл «Strangers in the Night».

Как говорил святой Франциск Ассизский, «куда бы ты ни шел, всегда возвращайся домой», что я и сделал.

Наутро жена мне рассказала, что я разговаривал во сне. Что-то про книгу Аристотеля «О душе». Наверно, хотел философу поведать о маньяке, чтобы он дописал в свой трактат четвертую часть – о людях-топорах, лишенных этой тонкой субстанции.

Нетление через Божескую благодать

Весеннее небо, высокое, чистое, голубое царило над белокаменным шестиглавым Собором. Слепило глаза солнце, отражаясь от маковиц глав, особенно от той, что покрыта золотом. И казалось со стороны, как будто великаны-воины в древнерусских шлемах под колокольный перезвон встали на защиту Великого Города.

Магдебургские ворота, хотя день стоял и неторжественный, были открыты. Народу в храме собралось множество, как и вокруг него. Но никто не отважился подойти к беседующим у арки, между приделами святых Богоотец и Рождественским, там, где почивают мощи святителя Никиты, важным людям. А те, нимало не смущаясь, продолжали разговаривать, словно были в одной из малых палаток Зимнего Дворца, что в Петербурге.

– ...а нетленность сию отнесу к тому, что климат да свойства земли, в кою прежде погребен был сей святой, да сужождение, да пощение в жизни, да бальзамирование препятствовали естественному разложению! – говорил один из них, одетый в облегающий двубортный кафтан голландского покроя из зеленого сукна.

Его громадного роста собеседник, одетый похоже, но проще, внимательно слушал, затем, резко наклонившись, вытащил мощи из раки. От стоявших поодаль от них людей послышался вздох, выразивший ужас и негодование. А гигант, совершенно не обращая на них никакого внимания, усадил почерневшего и усохшего за шесть столетий покойника и стал расправлять ему руки, а затем складывать их на груди.

– Что скажешь теперь, Яков Вилимович? – радостно обернулся он. – Отчего сие происходит, что сгибы костей так движутся, яко бы у живого, и не разрушаются и что вид лица аки бы недавно скончавшегося? А? Уж не от пощения, верно?!

– Не знаю сего, а ведаю то, что Бог всемогущ и премудр, – отвечал тот, изумленно пожимая плечами.

– То-то же, – довольно сказал великан, уложив обратно мумию, – сему-то верю и я, и вижу, что светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества Творца, которого молю, да вразумит Он меня...

Глава 11

Пришедшая эсэмэска гласила: «На Крестовском. Через час».

Я обрадовался, потому что успел позавтракать и выпить кофе. Дежурство свое я еще вчера сумел «пристроить» своему коллеге, поэтому сидел на кухне и предавался размышлениям о добре и зле, пока не получил сообщение от Арсения. Я мгновенно собрался и выскочил на улицу. Погода, как обычно бывает в Петербурге, изменилась, причем (и это тоже обычное дело) в худшую сторону. Было пасмурно и прохладно. Уже подходя к метро, я вспомнил, что забыл зонтик, и теперь согласно поверью точно пойдет дождь. Интересно, когда Яндекс прогнозирует погоду в Питере, он учитывает эту примету?

Арсений был при зонтике, но использовал его как трость. Я с подозрением рассмотрел заточенный металлический конец его зонта, массивную гнутую ручку и сделал предположение, что это больше похоже на оружие, чем на устройство для защиты от дождя.

– В принципе, его можно раскрыть, – ответил на мои подозрения Арсений.

Но я отказался, поверив ему на слово. Мы вышли из метро «Крестовский остров» и бодрой походкой направились на встречу с Юрием Анатольевичем, нашим патроном, или куратором, или шефом, как вам больше нравится.

– Фамилия у него смешная, – сообщил мне Арсений. – Письков.

– Да ладно? – не поверил я ему.

– Ну, Писков, какая разница, – мотнул он головой. – Усов ему недостает.

– Он здесь работает или живет? – поинтересовался я у Строганова, пропуская мимо ушей его шутку.

– Живет, – коротко ответил тот, выбрасывая зонт-трость перед собой с каждым шагом. Но потом пояснил: – Офис у них в другом месте. Он сначала сказал, что встречаемся в офисе, но, видать, ему вломак переться из-за нас на работу, поэтому он скрепя сердце велел ехать к нему домой.

Крестовский остров – место очень дорогое для проживания, однако не столь элитное, как Каменный. Мы миновали парк «Диво-остров», причем Арсений явно с завистью смотрел на тех, кто сворачивал туда кататься на аттракционах.

– Эх! – вертел он головой, провожая летящую в небесах ракету, в которой сидели и вопили люди. – Везет этому типу! Он может сюда каждый день ходить...

– А ты устройся к нему на работу, например, советником или уборщиком и будешь по дороге с работы заходить на аттракционы, – съязвил я.

– Сейчас посмотрим на твою реакцию, когда ты его квартиру увидишь, – ответил он мне.

– После дворца на Каменном меня ничем не удивишь, – пожал я плечами. – А ты откуда знаешь, что у него за квартира?

– Я, пока тебя ждал, посмотрел, сколько стоит аналогичная.

– И? – Я даже не стал гадать, поскольку суммы, вероятно, были слишком астрономическими, чтобы их можно было представить. Звезды на небе, капли дождя на лужах, миллионы в коробках из-под телевизоров... На это можно смотреть, любоваться, но не владеть.

– Доктор, перестань все к деньгам сводить, – заявил Строганов. – Как говорится, «не тот беден, у кого мало, а тот, кто хочет большего»...

Я остановился и стал мрачно взирать на приятеля. Неужели создали квест по цитатам древнеримских философов?

– Я вовсе не хочу тебя обидеть, – как ни в чем не бывало продолжил он: – Тем более, что чем больше человек склонен обижать других, тем хуже он сам переносит обиды...

– Так, баста! – Я подкрепил свои слова энергичным итальянским жестом. – Или ты мне сейчас же расскажешь, с чего это ты вдруг цитируешь тут Сенеку, или...

– Элементарно, Ватсон! – он уперся своим зонтиком в асфальт. – Я, пока ехал в метро, глянул в Гугле «Сенека. Цитаты обо всем» Кстати, довольно занимательно. А ты разве не оттуда их берешь?

Мы остановились перед современным, но очень стильным и выразительным шестизэтажным домом.

– У него последний этаж, – задрал голову вверх, сказал Арсений. – Прикинь, какой там вид открывается? Оттуда можно змея запускать...

Встретил нас мужчина и, немного проводив, передал с рук на руки женщине, которая и провела нас в кабинет Юрия Анатольевича. Чтобы пройти к нему, мы миновали гостиную (мне запомнились стены из мрамора и оникса, а люстру, видимо, позаимствовали из Екатерининского дворца), затем небольшую картинную галерею (изящные пейзажи, вероятно, именитых авторов в строгом порядке заполняли стены) и, пройдя сквозь ряд колонн, мы очутились на большущей террасе под крышей и с панорамными окнами. Арсений на этот раз не стал экспериментировать, поверив, что эти колонны тоже каменные, и сохранил таким образом свой кулак целым и невредимым.

Кроме различных артефактов, подчеркивающих богатство хозяина, было представлено и его хобби – шахматы. Я насчитал семь комплектов этой игры. Некоторые доски стояли в раскрытом виде в стеклянных шкафчиках, а сами фигурки были расставлены в боевой готовности. Пара досок лежали на письменном столе, они были закрыты. И еще за одной сидел наш начальник и думал. Услышав, что мы явились, он, не поднимая головы, приветственно махнул рукой, предложил располагаться и попросил подождать пару минут.

Я так и сделал, усевшись в глубокое кресло неподалеку от окна с потрясающим видом: Елагин остров, Невка, а слева Финский залив и, конечно, ЗСД (западный скоростной диаметр). Но просить Арсения сесть и ждать... ха! это все равно, что остановить Рейхенбахский водопад! Строганов и не думал присаживаться, а подошел вплотную к игравшему с самим собой Пискову. Я знал, что Арсений играет в шахматы, – он регулярно обыгрывал моих детей. Но сейчас перед ним сидел профессионал, и мне стало даже интересно: кто кого?

Арсений наблюдал за ходом битвы минуты полторы, после чего взял белую пешку и быстро походил на две клетки. Тут-то Юрий и обратил на нас свой взгляд. Он внимательно изучил Арсения, словно пытаясь определить на глаз уровень его шахматного мастерства, его шахматную квалификацию. Потом глянул на меня, сразу угадав, что я любитель. И, слегка склонив голову набок, посмотрел на шахматную доску.

– Глупость! – наконец сообщил он и «съел» белую пешку конем.

Перед ним лежали два исписанных блокнота и один планшет, на котором я заметил чернобелые клетки и разгар шахматной битвы.

– Согласен, – кивнул Арсений и мгновенным движением переместил офицера в центр поля. – Однако, как говорят, хорошему игроку всегда везет.

– Это ты с рулеткой перепутал, – хмуро ответил ему гроссмейстер и стал изучать создавшуюся позицию. – Не понимаю, в чем ловушка... – наконец произнес он, раздраженно глядя на Арсения, который постукивал пальцами об стол, выбивая ритм. – Я же съем...

И он съел офицера. Или епископа, если вы англичанин.

– Сильные фигуры противника следует разменивать! Так говорил Касабланка, – сообщил нам Строганов и слопал коня ладьей. Но противник тут же съел его ладью ферзем. При этом он качал головой, как человек, который догадывался, что его противник профан, и теперь получил этому подтверждение.

Затем последовали еще пара ходов, которые, вероятно, ослабили внимание Юрия, – Арсений атаковал и жертвовал фигуры. Как вдруг! Я, признаться, тоже потерял интерес, думая, что сейчас у Арсения останется один голый король... ферзя он тоже отдал... Так вот, тут как

гром среди ясного неба прозвучало характерное строгановское «гардэ!», потом «шах!» и после этого «мат!».

Юрий был повержен. Я был поражен. Один Арсений не выказывал ни радости, ни удовлетворения. Он плюхнулся в кресло, извлек из кармана пачку жевательной резинки и забросил несколько пастилок себе в рот.

– Я не понимаю, как... это же был дебют... я знаю большинство дебютов... и миттельшпили... Ах, вот оно что?! – проигравший горестно склонил голову. – Какой же я лох... Давай-ка еще одну партию? – И он стал расставлять фигуры.

– Только если на деньги, – сказал Арсений.

– Что? – Юрий застыл с пешкой в руках. – На деньги? В шахматы? Ты в себе, парень?

– Тогда в следующий раз! – отрицательно мотнул головой победитель и присовокупил сомнительное пожелание: – Не расстраивайтесь, у вас впереди еще десятки проигранных партий...

* * *

Пока Арсений рассказывал, точнее, докладывал про то, как мы разоблачили маньяка, я разглядывал нашего начальника. Писков Юрий Анатольевич был молод – мне показалось, что ему нет еще и тридцати. Его вполне можно было назвать красивым: черты лица тонкие, правильные. Правда, опущенные уголки губ и выражение какой-то брезгливости старили его, и на ум приходило выражение «кислая мина». Движения его были неторопливые, а вид задумчивый. Он вызвал у меня ассоциацию не то с Онегиным, не то с Печориным. А может, это была просто дискинезия желчевыводящих путей...

Конечно, думал я, чтобы в таком молодом возрасте занимать такой крупный пост, нужно обладать незаурядным умом и талантами... А усы бы ему и правда не помешали!

– Это, конечно, хорошо, я рад за вас и за наше общество, которое вы избавили от этого уродя, – услышал я, как Писков стал отвечать Арсению. – Но! Хочу вам напомнить, что мы вам платим деньги не за то...

– А вы еще ничего не платили! – вставил Арсений, не разделявший моего пиетета по отношению к богатому и умному патрону.

– В самом деле? – удивился тот. – Э-э... а когда мы должны вам платить? После того, как вы найдете...

– До того, – заявил Арсений. – Вы должны нам для начала аванс. Поиск пропавших без вести – занятие дорогое.

– Э-э, – чуть замялся Юрий, – ну, я сегодня из-за этого не поеду в офис. Давайте или завтра, или... А сколько вам надо? Ты говорил про двести тысяч? Не много ли?

– Двести мы уже затратили, из своих, – нагло соврал Строганов. – Думаю, что четырехсот для начала хватит.

– Сколько? – приоткрыл рот Писков. Он был искренне изумлен. Как и я. Вероятно, у Арсения от окружающей обстановки нарушилась шкала ценностей. – А не будет вам...

– Нам будет обидно, – тут же перебил его мой приятель, – если мы не найдем дочку вашего президента только потому, что денег не хватило!

Вот уж точно, лучше иметь не деньги, а власть над теми, у кого они есть. Наш начальник, качая головой, вышел из комнаты. Я поймал взгляд Арсения и покрутил пальцем у виска. Строганов в ответ надул пузырь из жвачки, который тут же лопнул с громким хлопком. Вернулся Писков и со словами:

– Я вам дам двести семьдесят тысяч из своих, а в офис сегодня точно не потащусь, – передал вымогателю несколько пачек разноцветных купюр.

Я не поверил происходящему!

– Так, – продолжил наш благодетель тоном работодателя, – теперь я хочу знать, на что пойдут деньги фирмы. Планы у вас какие? Что мне докладывать Старику?

– Старику, говорите? – задумчиво повторил Арсений и неожиданно поинтересовался: – А вы ведь его давно знаете? И, вероятно, хорошо? Можете нам про него рассказать?

– Конечно, знаю, – довольно удивленно подтвердил Юрий. – Я только не понял, зачем мне вам про него рассказывать? И что конкретно вы хотите знать?

Арсений пожал плечами.

– Ну, скажем, что он за фигура? На ваш взгляд.

Я тоже уставился на Строганова. Чего это он вдруг стал интересоваться Сердюковым, да еще в такой странной манере: задавать туманные вопросы и интересоваться чужим мнением. А Писков оживился.

– Фигура? Ха! Конечно, он король! Но король, который может ходить как ферзь.

Арсений понимающе кивнул, предоставляя возможность говорить Пискову.

– Знаю я его очень давно и очень хорошо. Моя сестра была замужем за его сыном.

Я подумал, что для карьерного роста все же мало ума и таланта, нужны еще и соответствующие родственники!

– Была? – Арсений умело изобразил удивление. – Они разошлись или...

– Нет, – чуть скривился Писков, – он погиб четыре года назад... – и, предваряя вопрос Строганова, пояснил: – Просто несчастный случай... Так вот, это сейчас Георгий Петрович... ну, вялый такой, поскольку Маргарита пропала. Это его просто прибило. В нормальном состоянии это «тяжелая фигура»! Ферзь! Крутой бизнесмен, олигарх!

– Понятно, – снова кивнул Строганов. – А как думаете, он сам кого-нибудь подозревал? Ну, кто мог быть причастен к исчезновению?

Теперь Писков пожал плечами и, скривившись больше обычного, ответил:

– Они поначалу все время это обсуждали.

– Они – это кто? – уточнил Строганов.

– Георгий Петрович с начальником охраны. Я его терпеть не могу, этого козлица! – добавил Писков, и к недовольству на лице прибавилась злоба в голосе.

– И что? – не обращая внимания на гримасы Пискова, продолжал Арсений. – Результат был? Кого-нибудь заподозрили?

– Вроде нет. – Юрий Анатольевич пожал плечами. – Обсуждений было много, сутками напролет. Но так ничего и не придумали.

– А начальник безопасности- он что за фигура? – Арсению, видать, понравилось играть в шахматы. – Король, то есть Георгий Петрович, ему доверяет?

– Да, Старик ему верит, как... как не знаю кому. Никому так не верит, только этому... – не нашел подходящего эпитета Писков.

– Даже вам? – вставил я.

– Ну, еще не хватало! Я аналитик, мозг, гроссмейстер! Особенно в экономических вопросах. Правда, бывает, что Старик сам принимает решения: выслушает меня, но поступает по-своему... – значительно сказал зам президента и раздраженно добавил: – Но без своего любимого охранника и шагу не сделает!

– А они давно знакомы? – спросил Арсений.

– Очень, – кивнул Писков. – И денег тот ему отстегивает немерено. А когда Маргарита пропала, этот подхалим Димыч сам несколько суток не спал и поднял на ноги всех, кого только можно было. Он лично ездил подвалы обыскивать, с полицией общался, в общем, изображал преданного слугу.

– Так изображал или искал на самом деле? – уточнил Арсений.

– Ну, искал, конечно, это я так выразился, – пояснил Писков. – Несколько лет назад у его сына были серьезные проблемы. Чего-то он там натворил, и Георгий Петрович ему помог, так

что тот вдвойне ему благодарен. Да это все не важно, – вдруг сказал он, – лучше расскажи мне, какие у тебя дальнейшие планы? Я же говорю, что мне Старику нужно скоро доклад делать! Не могу же я ограничиться рассказом про то, как вы маньяка ловили?

Любопытный все же был у нас шеф! Я взял обратно все свои слова про ум и таланты. Не действует все-таки у нас американская поговорка про умных и бедных. Я ожидал, что Арсений сейчас начнет глумиться над недалеким заместителем президента финансовой группы, но ошибся. Строганов с важным видом стал сообщать ему про то, что если спецслужбы, полиция и прокуратура вместе с их начальником охраны не сумели раскусить маньяка и найти спрятанную комнату, то нам, скромным частным детективам, придется перепроверять еще несколько версий, которые те уже отработали. В том числе и больницы, которые, по мнению Арсения, они плохо проверили. (Тут он бросил на меня насмешливый взгляд.)

– К тому же, – продолжил мой злопамятный друг, – у нас есть данные, которых нет у внутренних органов! Но пока я не готов их озвучить. День-другой – и мы сможем порадовать вас своими успехами, – на оптимистичной ноте закончил он.

Чего вдруг Арсений решил пресмыкаться перед этим богатеньким мальчиком, я не знал, но я знал Арсения! Поэтому можно было ожидать с его стороны любых сюрпризов, гамбитов и ловушек.

– Я понял! – многозначительно кивнул шеф. – Я сейчас и доложу! Подождите здесь!

И он, неожиданно резко вскочив, покинул террасу-кабинет.

– Что это у тебя за данные? – поинтересовался я, терзаемый плохими предчувствиями: никого мы не найдем, а все деньги истратим. И потом, с такими людьми шутки плохи.

– Например, насчет участия в похищении Маргариты инопланетян, – без тени иронии сообщил этот true-детектив. – Эту версию никто из них не рассматривал.

– Хорошо, что ты не озвучил ее нашему Юрию Анатольевичу... – вздохнул я, представляя его реакцию.

– Тихо, – вдруг сказал Арсений, вскочил и крадучись подошел к приоткрытой двери. Я последовал за ним. Мы прислушались. Юрий Анатольевич где-то неподалеку докладывал по телефону своему шефу о поисках:

– Да, Георгий Петрович, я так и сделал! Я дал им указание вначале проверить уже отработанные версии! И представляете, сработало! Они стали проверять того мужика, ну, помните, который глазел на улице на Маргариту? ... Да-да... Он оказался маньяком! У него была потайная комната, в которой он прятал девицу... Да!.. Нет, к исчезновению Маргариты он, к сожалению, не имеет отношения... Я собираюсь проверить еще несколько версий... больницы... – он продолжал врать, присваивая заслуги Строганова целиком себе. Я посмотрел на Арсения, тот ухмылялся и продолжал слушать. Наконец, разговор был закончен, и мы ринулись на свои места. Арсений мне показал знаком, чтобы я молчал. Просто поразительно!

– А что за старик был там, на встрече? – вдруг спросил Арсений, когда Писков вернулся к нам после доклада своему шефу. – Ну, такой полный, в рубашке, кажется, вы его Сергеем Миронычем назвали.

– Так это же сам Сергей Миронович... – Тот аж остолбенел: наверно, Арсений допустил святотатство. – Это старинный друг Георгия Петровича! Банкир, богатейший человек! А в шахматы он играет лучше меня! Ну вы, ребята, даете!

Я не смог удержать улыбки. Причем я бы затруднился сказать, какое из качеств этого старого друга вызывало большее преклонение Юрия Анатольевича – богатство ли, умение играть в шахматы или сам факт дружбы с Сердюковым.

– А почему он к вам обратился? – продолжал свои вопросы Строганов, не обращая внимания на реакцию Пискова. – Помните, он именно вас попросил убедить Сердюкова поехать к нему, Сергею Мироновичу, в гости?

– Э-э, чего-то не помню... А что в этом такого? – удивился Юрий. – Он знает, что я правая рука президента. И меня Сергей Миронович хорошо знает, я же женат на его двоюродной племяннице!

«...Богат, и на богатой был женат, пережил детей, внучат...» «Семейный бизнес,- подумал я, – основа нашей экономики!» Интересно, сначала его сестра вышла замуж за сына Сердюкова, а потом и он сам женился на племяннице Сергея Мироновича, или наоборот? Впрочем, вряд ли это имело отношение к нашему делу.

– Он предложил нам помощь, – вспомнил вдруг Арсений. – А он, кстати, принимал участие в поисках?

– Сергей Миронович? – Юрий пожал плечами. – Пожалуй, да. Он перечислил одной церкви под Москвой довольно крупную сумму, чтобы там молились за Маргариту.

– А, ну понятно, – с неясной интонацией сказал Арсений.

Он хотел еще что-то спросить, но не успел. У Пискова зазвонил телефон, он посмотрел, кто звонит, явно обрадовался, скороговоркой произнес нам: «на сегодня все, держите меня в курсе, Михаил вас проводит» и стал говорить по телефону, но уже размеренно, с нотками уважения и радости:

– Да, Валентина Матвеевна! Конечно! Вот, жду вашего звонка...

Писков стал выходить через одну дверь, а Михаил, который, видимо, обладал телепатией, уже входил в другую. Он посмотрел вслед разговаривающему шефу, потом перевел взгляд на нас, но не успел ничего сказать, поскольку Арсений подскочил к нему и заговорил первым:

– Михаил, Юрий Анатольевич велел нам где-нибудь подождать его, пока он общается с Валентиной Матвеевной. – Арсений с улыбкой смотрел прямо в глаза охраннику.

– Понял, – мгновенно ответил тот. – Прошу.

И мы переместились в соседнюю с террасой комнату, небольшую, с одним окном, двумя диванами, столиком и висящим на стене телефоном.

– Если что-то нужно, номер «два нуля одиннадцать», – сообщил Михаил и вышел из комнаты. Мы услышали, как он закрыл дверь на ключ.

– Давай пиццу закажем? – тут же предложил Арсений, кивая головой на телефон.

А мне стало не по себе: как-то неприятно, когда тебя запирают, даже если в очень комфортных условиях. Я неожиданно вспомнил девушку в потайной комнате маньяка Вовы... Арсений когда-нибудь доиграется! Писков не обрадуется, увидев, что мы, вместо того чтобы убраться вон, сидим в его квартире.

– Какого черта... – начал я, но Строганов меня перебил:

– Si Deus pro nobis, что означает, если Бог с нами, то... Слушай, – перебил он сам себя, – как думаешь, тут камеры есть? – И он стал исследовать помещение.

Я покачал головой. Одно дело – к маньяку в квартиру забраться, а другое... Между прочим, у Пискова было минимум два охранника: один нас встречал, когда мы пришли, а второй – Михаил. Я хотел это озвучить Арсению, но он приложил палец к губам, призывая меня к молчанию, а сам встал у окна, прислушиваясь. Затем он аккуратно открыл окно и высунулся на улицу, я даже решил, что сейчас он весь туда вылезет. Но ошибся. Арсений расположился на красивом мраморном подоконнике и жестом пригласил меня занять место рядом с ним.

Вероятно, терраса, ее открытая часть, была недалеко от комнаты, в которой мы находились с Арсением. И там, на свежем после дождя воздухе, Юрий Анатольевич встречался с некой Валентиной Матвеевной. Их было только слышно, но, увы, не видно... Они только начали разговаривать. Видимо, она звонила Пискову, уже поднимаясь на лифте, поэтому так быстро и оказалась в квартире.

– ...Юрий! – голос у нее был уверенный, властный и низкий. В тишине мы слышали каждое слово из их разговора. – Ты, как всегда, элегантен и свеж. А жена где?

– Спасибо, Валентина Матвеевна! С вас беру пример! – тон, которым говорил Писков, был теперь совсем другим. – Маринка опять уехала. Сказала, что шмотки кончились, и улетела в Милан. Сколько можно? – добавил он риторически, без раздражения.

– Марина правильная девочка, – тут же ответила ему собеседница. – Тебя шахматы интересуют, картины, а ее – вещи, драгоценности. Так и должно быть. Нормальные интересы. Не как у некоторых. Я про своего мужа: он с этими гонками совсем ненормальный стал... Но давай-ка про наши дела поговорим. Значит, так! – и она перешла на деловой тон: – Заказ будет в полтора раза больше и с бюджетной дотацией, что с учетом согласований займет три недели и потребует довложения со стороны подрядчика, но это не беда, поскольку и сумма отката вырастет, однако акционерам это знать необязательно, кроме одного, который и организует этот подряд...

– Кирилл, – уточнил Писков.

– Он, – подтвердила Валентина Матвеевна. – Таким образом, на выходе мы с тобой имеем по пятьдесят. Ну, как тебе моя схема? – добавила она уже более радостно.

– Пятьдесят миллионов рублей! Прекрасно, Валентина Матвеевна! Прекрасна и ваша новая схема, – подхватил Писков.

– Согласна, спасибо за достойную оценку, – скромно сказала она. – Эта схема легче предыдущей, поскольку она короче, соответственно, быстрее и поэтому дешевле. Но это стало возможным лишь потому, что Георгий передал бразды правления тебе, мой дорогой гений экономики.

– Конечно, – согласился с ней Юрий. – Старик никогда не даст нам такой возможности...

– Увы, нет худа без добра... – собеседница вздохнула. – И хотя мне очень жаль и Маргариту, и Георгия, но нам сейчас это помогает. Бизнес не терпит эмоций. Но рано или поздно Георгий восстановится после этого удара и... А как думаешь, есть шанс, что Маргариту найдут? Ты же у нас теперь возглавляешь детективное агентство? «Лунный свет»! – усмехнулась она.

– Почему лунный свет? – удивился Юрий.

– Не важно, – отмахнулась Валентина Матвеевна. – Главное, что если человек талантлив, то во всем. Так что там с поисками?

И Писков стал рассказывать примерно то же, что он уже говорил Георгию Петровичу. Арсений знаком мне показал, что мы уходим. Прикрыл окно и позвонил по телефону.

– Алло? Михаил? Юрий Анатольевич сказал нам, что мы свободны и можем идти. Да, спасибо...

Нас освободили и проводили до двери. Спускаясь в лифте, Строганов не проронил ни слова. Только насвистывал арию тореадора из «Кармен» и как жезлом размахивал своим зонтом.

Глава 12

Мы расположились в уличном кафе, прогулявшись до Елагина острова. Было пасмурно, свежо, совсем легкий ветерок колыхал нежную зеленую листву на деревьях. Белки скакали по дорожкам, выпрашивая угощение. Взрослые и дети катались на велосипедах, роликах, самокатах. А по воде скользили лодки, заставляя недовольных уток уступать им дорогу.

– Вот бы узнать, с кем он там встречался, кто она такая, эта Валентина Матвеевна? – произнес я. Мне было досадно, что, так хорошо расслышав весь разговор, мы не смогли увидеть собеседницу Пискова.

– Элементарно, – отреагировал Строганов. – Это та, с которой он общался у старика Сердюкова дома, холеная бизнесвумен. Я ее по голосу узнал. И получается, что еще у двоих человек имеется мотив...

– У кого двоих? Писков и дама? Почему ты думаешь, что... – я не успевал за полетом его мыслей.

– Потому что они могли устранить Маргариту, чтобы тем самым устранить Сердюкова, президента корпорации. Гамбит! Да, такое возможно, – кивнул сам себе Строганов и поинтересовался у меня: – Тебе не кажется, что пиво разбавляют водой из пруда?

– Спроси у официантки, – предложил я, раздумывая над его очередной версией.

– Я включил ее в список подозреваемых, – продолжил Строганов, вероятно, имея в виду собеседницу Пискова. – Она, судя по всему, тетка умная и не страдает сентиментальностью.

– Да, похоже, это она придумала какую-то хитрую финансовую комбинацию, – я ощутил себя гением дедукции, – а называет Пискова гением, поскольку просто использует его для своих целей! А Писков? Он же тоже мог...

– Писков дурак, – безапелляционно заявил Арсений. – Он играет примитивно. Он выучил какое-то количество дебютов, партий и придерживается этих схем. Пытается вывести к знакомой комбинации. Но если начать импровизировать, то он сразу теряется и проигрывает.

– Речь же не о шахматах, – напомнил я.

– Какая разница? – махнул рукой Строганов. – Это его стиль, он тырит чьи-то идеи и использует их для себя. Что-то вроде обезьяньей игры.

– Какой? – удивился я, решив, что ослышался.

– Зеркальный повтор ходов противника. Не важно. Главное, он думает, что он умный. А нельзя стать умным, просто присвоив себе мысли умного человека. Будешь просто дураком с...

– С чем? – поинтересовался я, потому что умный Строганов замолк.

– Что «с чем»? Так вот, я и говорю, что Маргарита пропала или потому, что ее похититель оказался очень везучим, или потому, что очень умным. А может, и то, и другое. А Писков, наш с тобой шеф, может, и везучий, но не умный. Ему в одиночку не создать такое преступление.

– А вдвоем с Валентиной? Как ты говоришь, гамбит? Получается, что они устранили Маргариту, чтобы им не мешал ее отец? Исключительно из-за денег? Неужели такое возможно? – Я засомневался, вспомнив Юрия. Все-таки он не был похож на законченного подлеца.

– Да, мой наивный друг, такое возможно, – язвительно подтвердил Арсений. – Ты кстати, смотрел «Турецкий гамбит»? Очень хороший фильм. Писков плохо кончит, это понятно. – Мысли Строганова порхали в разные стороны, как воробьи, чирикавшие неподалеку от нас и всякий раз разлетающиеся, когда приближался велосипедист или ребенок. – Теперь вот что, доктор! Дел у нас много, времени мало. Радуется, что деньги есть. Кстати, вот... – и он протянул мне половину полученных денег. – Прячь, люди смотрят! Ты сейчас едешь в свою больницу и начинаешь тщательный, я подчеркиваю, тщательный и скрупулезный поиск пропавшей девицы!

– А ты куда? – поинтересовался я.

– Я? – вскочил он, – в шахматы поиграю.

– Встречаемся где и когда? – сказал я, улыбаясь. Меня так просто не вывести из себя!

– После пяти. У меня. Я побежал, оплати счет, я так время сэкономлю.

И он понесся наперегонки с каким-то велосипедистом, предлагая на ходу пари, что обгонит его. Зонтик он держал как копьё.

Я сунул руку в карман и извлек пачку денег. Елки! Сумма была, по моим меркам, гигантской! Решив, что гулять по городу с такими деньжищами, мягко говоря, неудобно – оттопырились карманы, – я, расплатившись за себя и за спешившего Арсения, пошел в сторону дома.

Миновав Дацан Гунзэчойнэй, я ощутил, как «Всесострадающее учение» проникло в меня, вызвав, правда, не просветление, а скорее пробуждение совести. В этот момент я уже шел мимо Благовещенской церкви и, подумав, «чем я хуже графа Бестужева-Рюмина?», который спонсировал строительство деревянной церкви, завернул по песчаной дорожке к храму.

– И Пушкин здесь гулял, стихи он здесь писал, – пробормотал я и вошел в церковь. Честно говоря, я нечастый гость в наших храмах, поэтому не знаком с правилами поведения, принятыми в православных церквях.

Видя мою неуверенность, ко мне подошел батюшка и дружелюбно поинтересовался, чем он может помочь. Я, вероятно, покраснев и побледнев одновременно, извинился и косноязычно стал просить его помочь кому-нибудь из нуждающихся, кого он знает... ну, словом, для тех, кому нужны деньги...

Во рту у меня пересохло, я молча сунул ему в руки часть денег, выданных мне Арсением, и хотел было сбежать, но он с улыбкой остановил меня и попросил, чтобы я через недельку обязательно заглянул в церковь, чтобы он мог мне рассказать, кому я помог этими деньгами. Не знаю, правильно ли я истолковал его внимательный взгляд, но я добавил, что не украл эти деньги. И выскочил на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.